

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

II часть.

1934 - 1941 год.

НА СЕВЕРЕ.

Последние дни благоденствия.

П-кий район Ленинградской области к началу 1934 года был коллективизирован всего на 15%. Раскулачивание в 1930 году здесь не имело столь грандиозных масштабов, как на юге. Поэтому многие здешние единоличники, отнюдь не называемые "Кулаками", были значительно богаче миллионов крестьян, подвергшихся на юге раскулачиванию. Этим лишней раз подтверждалось, что раскулачивание делалось для того, чтобы загнать крестьян в колхозы. Невольно вспоминались снова Соломина, сказанные им однажды уполномоченным по селу Яблоновке: "Быть не может, чтобы не было больше кулаков. Кулаки должны быть. А если нет - сделать их! Вам пора понять, что если того потребуют интересы партии, то мы не остановимся перед уничтожением 90% населения. А вы говорите "кулаков нет", в то время, как раскулачили всего каких-то 15-20% населения". Там именно "делали" "кулаков" по мере надобности, пока не осуществили таким путем сплошную коллективизацию. А когда того потребовали интересы партии, то не остановились перед истреблением новых миллионов посредством голода, выморив множество сел на 90%. До полной победы над крестьянами Юга партия не ставила себе задачу форсировать сплошную коллективизацию остальной территории СССР, поэтому не понадобилось пока "делать" кулаков. Следовательно и атмосфера на Севере была пока другой. Крестьяне единоличники продолжали себе хозяйничать. О голоде 1933 года они слышали от многочисленных голодающих, понаехавших с Юга, которым охотно помогали. От голодающих они знали, что голод явился следствием полного изъятия властью хлеба и овощей, что было возможно сделать вследствие сплошной коллективизации и драконовских мер применяемых к крестьянам, пытавшимся что либо укрыть хотя бы из урожая своего огорода.

Однако находилось не мало мужиков, которые были уверены, что на севере всех не погонят в колхозы, а если и погонят, то северяне, мол, люди поупрямей и их не так-то легко загнать. Короче говоря, они не могли

представить себя в положении нищих и умирающих с голода колхозников, как трудно вообразить себя в положении соседа, у которого воры все унесли и семью перерезали. Над своими же немногочисленными углыми колхозниками они лишь посмеивались, не понимая, что их единоличное хозяйство доживает последние денечки. В руководящих учреждениях царило относительное спокойствие. Правда, над коммунистами висела грозовой тучей чистка, но когда она осуществится никто не знал. Чистка должна была в первую очередь поднять боевой дух коммунистов для лучшей борьбы их с голодным крестьянством на юге, каковая цель была достигнута, поэтому с чисткой в других областях страны особенно не спешили. Большинство коммунистов здесь жило в свое удовольствие и не особенно заботилось о судьбах мировой революции. По старым традициям партийный стаж и социальное происхождение играли еще первенствующую роль. Среди коммунистов находились еще люди рисовавшие себе в розовых красках будущий коммунистический рай и рассказывавшие о нем сказки серьезно веря в них. Было немало пьяниц для коих смысл жизни заключался в бутылке, каковую они по своему привилегированному положению всегда имели в избытке. Конечно были и головорезы, были "копальщики", т.е. доносчики, проявлявшие свою "классовую бдительность" и постоянно помогавшие НКВД кого либо "сажать". Были лицемеры и подхалимы, ехидные и трусливые. Среди районщиков такими качествами особенно выделялся редактор районной газеты Паскудин, совмещавший в себе труса и сыщика, подхалима и лицемера, льстеца, ехиды и изверга. Даже внешний облик свидетельствовал о его свойствах. Вытянув вперед голову, имевшую приплюснутый череп, нависший над сероватыми безцветными, безжизненными и холодными глазами, глубоко спрятанными в каких то ямах, вздернутый ноздреватый нос и крупную нижнюю челюсть с отвислой губой Паскудин сутулясь пробирался по улицам города, как бы хоронясь от грозящего удара. Это была самая отвратительная личность во всем районе. Но она так умела петь сладостные дифирамбы районным руководителям и в такой вечной дружбе была с ГПУ, что ее все вынуждены были терпеть. Паскудин был далеко небезразличен женскому полу. И говорили немало делал подлостей. В 1933 году был такой случай: несколько девушек купалось в речке. Место было глухое, и они обходились без купальников. На их несчастье среди кустов появился Паскудин. Увидев их он сел около их одежды и уставился на них своим холодящим взглядом. Девушки вынуждены были погрузиться по

шею и ждали, что он уйдет, но он продолжал сидеть и, казалось, единственным признаком жизни было моргание глаз. Девушки коченели и вынуждены были до изнеможения плавать. Вода же была очень холодная - дело было осенью. На их просьбы удалиться или хоть отвернуться пока они они выйдут из воды и накинут на себя белье, Паскудин отвечал молчанием. Продрогнув до костей трое из пятерых купавшихся стали пить воду, что их еще больше бросило в дрожь. Они стали плакать и умолять подлеца уйти, но он, как истукан все глазел. Спустя три часа после его прихода, девушки, будучи не в силах больше терпеть вышли из воды. Лишь удовлетворив своему любопытству Паскудин ушел. Неподалеку от места купанья в речку стекали отходные воды из инфекционной больницы. Все три девушки, напившиеся воды умерли. Еще был один выдающийся тип - это директор заготмолоко, жулик и проходимец Загребалов. Все знали, что он ворует колоссальное количество масла, но все были бессильны что либо сделать с ним. Даже РО НКВД было беспомощно. Это объяснялось тем, что Загребалов посредством того же масла обзавелся сердечными друзьями не только в областных организациях, но и в Москве. И в конце концов районщики махнули на него рукой и довольствовались тем, что выполняется план по заготовке молока, не докапываясь больше сколько сверхплановых заготовок поступают Загребалову. Присылаемым к нему для контроля заместителям он неизбежно "пришивал" дело и сажал их в тюрьму.

Появилась МТС.

В декабре 1933 года в районе была организована МТС. На первых порах она была довольно слабым организмом, как в смысле технического оснащения, так и в смысле необеспеченности большевистскими кадрами, способными сметать все препятствия на своем пути.

Предстояло заключать договоры с колхозами на работу, но ни один колхоз не хотел иных работ МТС кроме распашки кустарников и тяжелых каменистых земель, а также молотбы. Лишь под большим нажимом районных организаций, получивших строгие указания из Ленинграда, колхозы пошли на расширение объема работ МТС, хотя в этом не нуждались. Тогда еще колхозы пытались спорить против навязывания им кабальных договоров, выгодных лишь государству в лице его МТС и предусматривавших чрезвычайно высокую оплату в денежном и натуральном виде. Согласно договора колхоз должен был платить

огромный штраф, если по его вине МТС не сможет выполнить какую либо предусмотренную договором работу. За нарушение договора МТС тоже должна была платить неустойку, но на практике, она никогда не платила. Колхозники думали, что они еще могут распоряжаться хозяйством колхоза, не понимая того, что договор лишь пустая бумажка и что колхозы должны будут подчиняться МТС и руководиться ею.

Директор МТС не находил достаточной поддержки со стороны районных организаций в деле подчинения машино-тракторной станции колхозов, как и не видел энергичной работы их по дальнейшей коллективизации района. Поэтому, он все время ходатайствовал перед областными организациями и наркомземом СССР о создании политотдела. Пока что были присланы лишь помощник начальника по работе комсомола - молодой коммунист, который ничем не мог помочь директору, а также помощница по работе среди женщин Хлыстова. Хлыстова была очень тупа и вместе с тем до крайности жестока. Не было колхоза откуда она уехала бы не перессорившись с женщинами. Во время посевной кампании директор МТС, старший агроном и старший механик, а также политотдельщики ездили на лошадях по колхозам один за другим вслед без пользы и толку, создавая лишь толчею и дерганье колхозных руководителей, что вызывало еще большие антипатии к МТС. Антипатия переросла в враждебность после следующего случая: МТС получила легковую автомашину, но она не имела шофера, да и во всем районе не было человека знакомого с автоделом, ибо это была первая автомашина появившаяся в районе. Старший механик МТС коммунист - инженер окончивший автотракторный институт, знал "на зубок" теорию, но сесть за руль трактора и тем более авто не умел. Директор МТС не мог согласиться с тем, чтобы имея авто, ездить на паршивом "Боронке". После того, как собравшимся эмтеэсовцам удалось завести мотор директор сел в машину решив управлять ею сам и с ним решился еще сесть главный бухгалтер. Директор включил скорость, машина пошла задним ходом и выломала угол здания МТС. Переключив наугад он попал на третью скорость. Машина рванула вперед и помчалась по улице все больше набирая быстроту. Не имея понятия об управлении машины, директор не знал как ее остановить, как затормозить. Он жал по очереди педали, дергал туда и сюда рычаг скоростей, но машина бешено мчалась, подвергая смертельной опасности, как пассажиров, так и всех встречных. Бухгалтер без конца жал пуговицу сигнала, но не все успевали убраться с дороги, уже было разбито две телеги,

была сбита лошадь, задавлена пара собак, лишился ноги старик, а машина все набирала скорость. Свернув круто в сторону она со скоростью в 70 км. помчалась под гору, затем перелетев через горбатый мостик и описав в воздухе дугу устремилась в гору, затем в несколько минут проскочив полевою дорогу влетела в деревню, давя собак и кур. Впереди ехала верхом на лошади девушка. Лошадь испугавшись понесла. На повороте девушка сорвалась и с такой силой ударилась головой об острый камень, что у нее брызнули мозги. Видя неизбежную гибель, бухгалтер выбросился из машины и с поломанными конечностями был доставлен в больницу. Впереди мчавшейся машины лежал большой мост, весь загроможденный подводами. Деваться было некуда. Машина была направлена по узкой дорожке мимо моста и, задавив с десятков овец влетела в воду и на середине речки остановилась с заглушим мотором. Директора МТС привезли без памяти домой, а вслед приволокли и машину. Оправившись после пережитого директор нашел шофера, но старался овладеть техникой водительства и часто садился за руль. Не привыкшие лошади шарахались в стороны при встрече с машиной и особенно на узких дорогах опрокидывали телеги и часто калечили ехавших крестьян. Крестьяне иначе не звали директора МТС как убийцей.

Большевицкое наступление на единоличников.

Разгромив южные районы страны и укрепив там окончательно колхозную систему посредством чудовищного террора и голода, коммунистическая партия могла взяться за отсталый север, и начала перебрасывать в районы, в которых еще не было политотделов, политотдельцев, закалившихся в борьбе с голодным населением Украины и Кубани.

Приехал, наконец, и долгожданный начальник политотдела в П-скую МТС. Встречать его вышли все эмтеэсовцы, начиная от директора и кончая уборщицей. Прибывший багаж понесли на себе работники МТС. Директор и агроном перли тяжелые сундуки, готовые надорваться. Все на перебой говорили комплименты начальнику.

Однако радость встречи была на следующий же день омрачена стычкой начальника политотдела с директором МТС. На заявления директора: "вы-то в конце концов, согласно решения ЦК ВКП/б/ являетесь моим заместителем!" Начальник ответил: "не забывайте диалектики, товарищ директор, с одной стороны я ваш заместитель, а с другой ваш

руководитель и что я прикажу будьте любезны исполнять ибо я есть глаз, ухо и железный кулак ЦК, в чем вы весьма скоро убедитесь."..

Усматривая причину неудовлетворительного хода посевной кампании, а также затора с коллективизацией в засоренности классово-чуждыми элементами аппарата МТС, партячек и руководящего состава колхозов, начальник взялся за чистку кадров. Он начал с того, что прогнал своего помощника по комсомолу, как мягкотелаго и оппортунистически настроенного. Затем выгнал из МТС одного из лучших участковых агрономов, осмелившегося утверждать, что агротехника существует лишь одна и что особой, партийной агротехники, проведения которой требовал начальник П/о не существует. Выгоняя агронома Начальник П/о разорвал его диплом. Некоторые агрономы хотели было уйти сами из под такого руководства, но их документы были положены в несгораемый шкаф политотдела, реквизированный для него в первый же день приезда начальника в каком то учреждении. Несколько человек из сотрудников МТС были уволены, как классово-чуждые пробравшиеся в МТС согласно заявления Сталина в целях подрыва работы изнутри. Начальнику П/О очень по духу пришлось пом. по работе среди женщин. Тупость и жестокость были лучшими качествами, нужными для успешной работы П/О. Требовалось громить не разсуждая. Вскоре были присланы заместитель по партийно-массовой работе и новый пом. по комсомолу.

Политотделу не доставало собственного печатного органа и видов на скорую присылку редактора пока не было. Поэтому, начальник П/О взялся редактировать газету сам. Погромный тон газетки, именуемой "Большевистский Ударник" взбудоражил весь район. Отсталые партийные руководители не на шутку всполошились. В относительно мирном воздухе П-ского района появилась свежая ядовитая струя. Паскудин же был попросту в восторге от такой газеты. Он прибежал к начальнику политотдела и мелким бесом разсыпался перед ним в похвалах. Нач. Политотдела спросил не пожелал-ли бы Паскудин сделаться редактором "Большев. Ударника" на что Паскудин заявил: "да с вами я готов трудиться день и ночь. Такого идеального большевика я еще не встречал. Знаете, весь район восхищается вами. А классовые враги просто трепещут." На счет восторга Паскудин конечно врал. Но такова была его природа. Он перешел на работу в Политотдел. Политотдел начал громить и чистить управленческий аппарат колхозов и подчиненные ему партячейки. Одно за другим направлялись в суд дела о "вредительстве", "саботаже" и прочих

преступлениях колхозных руководителей, Здесь колхозы мелкие. И из 70 колхозов было кого выбирать для предания суду. Не один председатель или бригадир валялись у ног начальника политотдела, прося прощения за несовершеннолетия ими преступления. Таким образом система была всюду единая, установленная руководителями большевистской партии Для ее проведения в жизнь подбирались и подходящие люди, которые всюду находились в избытке вроде Паскудина. Непригодные же каким оказался пом. по комсомолу просто прогонялись, или лишались партбилета.

Судья считавший советские законы законами и, поэтому отказавшийся принять ряд переданных политотделом дел к судопроизводству был атакован "Большев. Ударником" и лично начальником П/О. Его называли "пособником кулачества", "изменником", "махровым предателем" и т.д. Судья подал жалобу в райком, но вместо разбора жалобы райком должен был в соответствии с директивой, полученной от Обкома и основанной на донесении политотдела, исключить судью из партии.

Не ожидая чистки партии, политотдел несчадно чистил партийные и комсомольские ряды, подымая боевой дух коммунистов и комсомольцев. Паскудин, Хлыстова, Зам.начальника политотдела, а также комсомолец-агроном Цаплин были верными соратниками начальника политотдела в поднятии этого "боевого духа". Они оказались страстными охотниками на людей. Они с остервенением "разоблачали" все новых "оппортунистов" "вредителей" и "саботажников".

Партийный стаж и социальное происхождение все больше уступали место другим признакам коммуниста. Место старых политически "безхребетных" и "беззубых" коммунистов заменяли зубастые, жестокие "классово-бдительные". Лишь с их помощью можно было произвести "социалистическую перестройку деревни "по примеру Украины и Кубани."

Перестроив соответствующим образом партячейки и поставив своих людей во главе колхозов, политотдел повел наступление на единоличников. Зав. райфо, основываясь на существующих законах, отказался увеличивать без всяких оснований налоги единоличникам. Он по наивности не понимал, что советские законы "что дышло, куда повернул - туда и вышло". За что также поплатился партбилетом. Новый заврайфо выискивая разные порою фантастические основания, большое количество единоличников подвергал дополнительному обложению. Кроме того политотдел сделал так, что

лучшие земли единоличников стали отбирать и отдавать колхозам, отводя им взамен землю не очищенную от камня или поросшую кустарником. В результате такого передела часто изба единоличника - хуторянина оказывалась на колхозной земле. Он должен был держать даже курицу взаперти и не всегда получал право прогона скота через землю ставшую колхозной. Естественно, будучи так прижатым, единоличники вынуждены были идти в колхоз. Об успехах коллективизации П-кого района дружно зашумели и районная и областные газеты.

Политотдел не мог терпеть недостаточную активность райкома и Рика и начал их также штурмовать. На заседаниях бюро райкома нач. политотдела задавал тон. Все предложенные им решения принимались, горячо поддерживаемые начальником РО /райотделения/ НКВД Пузановым и редактором Паскудиным, также являвшимся членом бюро. Точно то же происходило на заседаниях райисполкома.

Партийная агротехника.

Когда у единоличников хлеба и льны еще зрели, в колхозах, в соответствии с партийной "агротехникой", шла во всю уборка. Агрономы, протестовавшие против этого под страхом наказания должны были не только умолкнуть, но и пропагандировать уборку незрелого хлеба и льна. Самодурство партийных диктаторов доходило порою до предела, Жутко было глядеть, как большие площади совершенно зеленой ржи косились. В основе этого действительного вредительства лежали директивы ЦК о возможно более ранней уборке и молотье, дабы поскорее забрать хлеб и лен, так как по мнению ЦК затяжка работ должна была вести к расхищению и укрытию хлеба и льна и государство могло недополучить запланированного количества. При чем, за невыполнение этого указания ЦК местные руководители должны были подвергаться разным наказаниям. Вот они то и усердствовали в исполнении директивы. ЦК устанавливал точные сроки начала и конца уборки урожая. Местные власти стараясь застраховаться, обычно еще больше сокращали установленный срок. Вне зависимости от созревания, уборка начиналась по команде во всех колхозах, будь у них супески или тяжелые суглинки. Правда, делалась оговорка, как и в решениях ЦК и совнаркома, о том, чтобы уборку начинать выборочно. И горе тому председателю колхоза, который не начал бы выборочной уборки хотя бы десяти кв. метров на гектар оказавшихся чуть чуть желтее остальной совсем еще зеленой площади. Страхуясь от ответственности, он

начинал с этого желтоватого пятна и понемногу валил и зеленый хлеб.

Уборка и молотьба на севере дело весьма сложное в виду частых дождей. Крестьянин с покон века приспособлялся к капризным климатическим условиям. Для него было главным - вполне зрелый хлеб /а не зеленый/ убрать под крышу. Он всегда справлялся с этой работой и хлеб у него никогда не гнил. Затем постепенно подсушивая его в ригах, он молотил. Он также своевременно мочил лен и выдерживал его сколько нужно на стлищах, своевременно убирая сухой под крышу. Здесь он также не знал потерь. Дело другое в колхозе, дирижируемом сверху вопреки климатическим условиям. Пусть себе скошенные хлеба гниют под дождем, за это кое-кто сгниет в тюрьме, но молотьба должна разворачиваться с первого же дня уборки, отрывая множество людей от уборки урожая. За не подсушенное зерно опять таки кое-кто сгниет в тюрьме, но времени на подсушку нет, да и наличные риги, если они и сверх меры загружаются, не в состоянии угнаться за требуемым темпам молотьбы. Глядя на потери колхозники лишь за головы хватались.

Долой "гнилой либерализм!"

Как ни метался политотдел, впрягши в работу по уборке и заготовкам всех работников МТС, как ни старались работники выполнить требования высших властей, но темпы уборки, а главное заготовок сильно отставали от областных планов. В район приехал начальник политсектора МТС по Ленинградской области /руководитель политотделов/. Объехав с начальником политотдела ряд колхозов он арестовал нескольких председателей колхозов и они в двухдневный срок должны были предстать перед судом, как саботажники. Связавшись по телефону с Обкомом партии, он договорился с самим тов. Кировым о замене секретаря райпарткома как "гнилого либерала". Было созвано заседание райкома по этому поводу. Секретарь райкома, проработавший 7 лет в районе и привыкший к похвалам за хорошую работу, а в новых условиях оказавшийся непригодным, бил себя кулаком в грудь, доказывая свои заслуги. Выступил Паскудин. До этого он всегда первый восхвалял секретаря как гениального и не превзойденного руководителя. Его пресмыкание и лесть были попросту мерзкими. Теперь же Паскудин заявил: "можно только пожалеть, что на таком большом посту столь долго держался такой бездарный и безтолковый человек, протухший оппортунист и безнадежный беззубый либерал. И можно лишь приветствовать постановку вопроса о его замене настоящим

большевиком". Когда же вопрос о снятии секретаря был проголосован, он истерически закричал: "я коммунист 1905 года, в двух революциях участвовал, с самим Лениным не раз за чаем сидел!" Но старые заслуги и большой стаж не могли ему помочь. Требовался, как говорил нач. политсектора, боевой руководитель.

На следующий день обе газеты: районная, до сих пор превозносившая секретаря райкома и политотдельская посвятили первые страницы разоблачению оппортуниста снятого с поста секретаря РК и приветствовали это решение. На должность секретаря был прислан молодой и задористый коммунист Гаврилов. Они с нач. политотдела весьма понравились друг другу и взялись совместно за вытаскивание увязших заготовок. На заседании райкома, где для соблюдения видимости внутрипартийной демократии должны были проголосовать о кооптировании в состав райкома Гаврилова и избрании его на должность секретаря, выступил Паскудин. Мерзкая физиономия его расплывалась в искусственную улыбку: "кто не знает тов. Гаврилова", пел Паскудин, "да ведь его каждый Ленинградский коммунист знает! Это же образец кристального большевика..." и т.д. Паскудин пел так тягуче и приторно слащаво, что Гаврилов даже морщился, но видимо принимал как должное. Паскудин и здесь лгал. Ибо ни он, ни Ленинградские коммунисты не знали Гаврилова сидевшаго за семью замками в информотделе горкома партии. Конечно, Паскудин сделал соответствующий визит Гаврилову и превознося его вымышленные качества спрашивал совета, как лучше поставить работу газеты и как лучше организовать работу с селькорами. В очередном номере "Большев. Ударника" появилось "описание визита тов. Паскудина к ленинградскому большевику Гаврилову и интервью последнего."

Новый секретарь райкома, начальник политотдела и начальник НКВД дружно повели наступление как на заготовительном фронте, так и на фронте коллективизации. Был встряхнут весь огромный аппарат РИКА и прочих учреждений. В результате единоличник был, что называется, приперт к стенке требованием выполнения планов заготовок и налогов. Хотя, согласно контрактационного договора на сдачу льна, он имел еще большой срок для выполнения плана, но от него под угрозой требовали немедленного "разсчета" с государством. Следует остановить внимание на контрактационных договорах, заключаемых государством через разные его органы, как "заготлен", "заготскот" да и кооперацию, находящуюся в полном распоряжении государства, с крестьянами. Никаких конечно

договоров не существует. Крестьян под угрозой заставляют подписать навязанное им обязательство и это называется двусторонний "контрактационный договор". Делается это для того, чтобы можно было сказать, что обязательные поставки это одно, а сдача в порядке "самообязательств" по контрактационному договору - это другое. Хотя конечно, разницы никакой нет. Здесь простой обман. Нажим на единоличников с каждым днем становился все более жестоким и они массами вступали в колхозы, не видя иного спасения. Одновременно было развернуто бешеное наступление на церкви посредством обложения их громадными налогами и преследования духовенства и верующих.

К декабрю месяцу удалось загнать в колхозы около 50% крестьянских хозяйств, однако, оставалось еще вне колхозов 5.000 хозяйств, которые всеми силами старались отдать государству "долг", дабы отстоять свое независимое существование. Но не каждая семья могла так быстро приготовить для сдачи зерно и особенно лен, переработка которого раньше занимала всю зиму. И районные руководители нашли средство воздействия на отстающих. Посланные райкомом коммунисты, мобилизовав местных партийцев и комсомольцев, колхозных активистов и членов сельсоветов послали их с заданием выставлять оконные рамы и снимать двери с петель. Задание было выполнено и сотни крестьянских семейств были вынуждены терпеть зимнюю стужу. Райком специально выбрал день когда была вьюга. После этого люди работали не только днем, но и ночью, стараясь поскорее отдать все, что от них требовалось. Иные же вынуждены были вступить в колхоз.

Укрепление районов закаленными в борьбе с народом политотдельцами.

В декабре было решено ликвидировать политотделы МТС, как выполнившие задачу, возложенную на них ЦК. Принимая это решение ЦК "забыл" о своих обещаниях коммунистам, мобилизуемым в политотделы, что с окончанием функций политотделов они вернутся на свои прежние места - кто доучиваться в высших учебных заведениях, кто к научной, кто к педагогической работе, или военной службе. Теперь же было решено, для укрепления районного руководства оставить всех работников политотделов в районах. Распределяя политотдельцев по районам Обком назначил начальника ПО П-ской МТС секретарем РК партии в другой район.

Гаврилов убрал "беззубого" председателя Райисполкома и на его

место была назначена Хлыстова, которая кроме обладания прекрасными большевистскими качествами была членом ВЦИК-а /Всероссийского Центрального исполнительного Комитета/.

На пленуме Райисполком Гаврилов объявил, что Предрика "отзывается" Райкомом на другую работу, а на его место "рекомендуется" прекрасная большевичка - Хлыстова, каковую и кооптировали в состав Рика вопреки конституции и "избрали" председателем. Конечно, никто из членов Райисполкома не посмел и подумать о возражении против нарушения закона, или же предложить достойного человека из состава Райисполкома. Такие назначения вопреки конституции не являются исключением, а являются правилом - неписанным законом и практикуются всюду, начиная от сельсоветов и до центра. Все это потому, что писанные законы опять таки, что дышло... и рассчитаны они на наивных людей. Не законами руководствуются большевики, а меняют законы применительно к интересам власти, а до официального изменения законов попросту оставляют их пустой бумажкой.

Паскудин снова возглавил районную газету, наименовав ее "Колхозник-ударник".

Гаврилов сделал генеральную перетряску и других руководящих кадров района. В частности он сместил с должности Зав. районо /Отдела Народного Образования/ старого опытного педагога, а на его место назначил бывшего заместителя начальника политотдела по партработе. Это был полуграмотный человек не знавший грамматики. Он был "поэт" - большевик, изливавший бессмысленные и несладкие бредни на бумаге, но в каждом таком "стихе" было имя Сталина. Он превозносил счастливую жизнь в колхозах и поносил врагов. Этот стихоплет состоял в Союзе Советских Писателей. Он старался придать себе и вид "поэтический": длинную шевелюру завивал у парикмахера, носил поверх грубошерстной черной толстовки пестрый галстук и солдатские сапоги. Фуражку же носил точно такую как сам Сталин. Стихи его занимали обычно почти пол страницы каждого номера "Большев. Ударника".

Большой шум был поднят в районе по поводу отмены карточной системы. Из докладов и статей, помещаемых в газетах, следовало, что не большевистская власть создала продовольственный кризис в стране, разрушив сельское хозяйство главнейших с/х. районов страны, а повинны в этом кулаки, а власть наоборот, спасает народ посредством

коллективизации сельского хозяйства. Этим хотели оправдать и дальнейшее наступление на единоличника в других районах страны.

Погром "убийц" Кирова.

По директивам ЦК декабре началась волна террора, являвшаяся ответом партии на убийство Кирова. Раскрывались один за другим "заговоры", шитые белыми нитками. В П-ском районе начались аресты среди партийных и непартийных. В первую очередь были изъяты ранее исключенные из партии. Среди коммунистов вдруг стали обнаруживать "троцкистов" и "зиновьевцев". "Нити" от убийц Кирова тянулись в ряды колхозников и особенно единоличников. В районе оказался коммунист, работавший в то время директором льно-завода, который года три тому назад читал стенографический отчет Ленинградской партконференции, состоявшейся 10 лет назад, на котором с большим успехом выступал Зиновьев. Эти книги теперь считались контр-революционными и коммунист читавший их был арестован. Не прошло и недели, как по его показаниям было еще арестовано человек 15 коммунистов и беспартийных крестьян, которым он якобы давал читать эти книги. Донесший на него коммунист - зав. мобилизационным отделом РИКа - был также исключен из партии и арестован за то, что так долго не доносил. Был арестован ряд коммунистов и беспартийных, сказавших на собраниях, посвященных убийству Кирова, какие либо "контр-революционные" фразы. Напр. один сказал "кто его знает за что его убили, может быть он кому сделал неприятность и тот решил отомстить". Другой сказал: "Киров слишком беспечно себя чувствовал, вот и налетел на пулю". Третий сказал: "А кто там знает за что его убили". Поскольку такого рода фраз было сказано, как на собраниях, так и в частных разговорах сколько угодно, агенты же НКВД не дремали, то для НКВД наступила настоящая жатва. Многие из арестованных "признавались" в своей причастности к убийству Кирова, были "раскрыты" целые организации, "замышлявшие" убийство даже самого Сталина. Было арестовано несколько священников, много учителей. Не было ни одного сельсовета не затронутого "заговором". Все имевшие несчастье носить фамилию Николаев, если не были арестованы, то без конца вызывались на допросы в ГПУ. С этой фамилией было три коммуниста, каковых Гаврилов на всякий случай исключил из партии. Такая кампания арестов тянулась месяца два и создала подходящую атмосферу для подготовки к весеннему севу, ибо колхозным руководителям и сельсоветам, которые плохо готовились к севу можно было оказаться в

числе "убийц" Кирова, отчего им не поздоровилось бы, как уже не поздоровилось многим их коллегам.

Мобилизация "местных ресурсов".

По планам Обкома надлежало произвести на больших площадях подсев клевера. Но колхозы не имели семян, область их также не имела. Было приказано изыскать ресурсы на месте. И вот началось "изыскание".

Колхозники и единоличники обязаны были сдать требуемое количество семян клевера. Никаких оправданий не было. "Сдай хоть роди" так отвечали тем, кто никогда не сеял клевера и, поэтому, не имел семян. Запуганные люди как бы и в самом деле "родили". Все сдавали понемножко, где то купив. Райком похвастался перед областью, что клевера собрано в два раза больше, запланированного. Вместо поздравления район получил телеграмму о немедленной отгрузке в другие районы. 80% собранного клевера. Когда Гаврилов послал телеграфно протест, то его вызвал по телефону один из секретарей Обкома и предупредил, что за "саботаж" он дорого заплатит. Его обязывали обеспечить район семенами клевера посредством дополнительного сбора, что и было сделано.

Очковтирательство, как большевистская система.

Тогда было в моде сеять в грязь. И район начав сеять лен и ячмень в неоттаявшую еще землю, каковые посевы пришлось впоследствии молча пересевать.

Как и для всех кампаний устанавливались "ранние и сжатые" сроки. Колхозные руководители и сельсоветы, опять таки боясь попасть в "убийцы" Кирова, спешили поскорее пахать и сеять, не заботясь особенно о качестве работы. Будучи же подгоняемы районом, в страхе к каждой пятидневной сводке прибавляли по немного, авансом, якобы уже "засеянной" площади. Весеннее бездорожье сильно затрудняло районным руководителям объезд сельсоветов и они всеми силами нажимали на окончание телефонизации всех сельсоветов, чего и удалось достичь к 1 мая, сделав дополнительное самообложение населения.

Когда по сведениям Райзо и МТС оставалось еще сеять 3 тысячи гектаров, в район позвонили из Ленинграда: "когда вы собираетесь кончать сев?" спросил Ленинград. "Деньков через 10 не раньше" ответил Гаврилов. Узнав сколько еще гектаров в районе не засеяно из Обкома сказали: "разрешаем вам "выходить" с севом завтра. Завтра же давайте рапорт". "Я

не могу давать очковтирательскую сводку. Это же преступление. Я за очковтирательство отдаю под суд председателей колхозов", сказал Гаврилов. "Разрешаем тебе показать авансом недосеянную площадь, потом досеешь. Для этого у нас имеется резерв ЦК. Мы должны дать пораньше "закончить" некоторым районам для примера другим", Не оставалось ничего другого, как дать очковтирательскую сводку и оказаться в ряду передовых вместо того, чтобы плестись среди отстающих и быть битым. В Обком, в Облсполком, в Обл ЗУ /Областное земельное Управление/ и редакцию областной газеты полетел рапорт о досрочном "выполнении" плана весеннего сева и продолжения сева сверх плана. Под рапортом стояли подписи Гаврилова, Хлыстовой, а также Зав.Райзо и директора МТС. После "окончания" сева, район продолжал еще сеять около месяца, ибо нужно было досеять не только три тысячи "липы", показанной районом в рапорте, но не меньше "липы" данной в сводках сельсоветов и колхозов, с той только разницей, что последние давали очковтирательские сводки на свой страх и риск, а район дал очковтирательский рапорт будучи обязан к тому обкомом, в свою очередь получившим "резерв" от ЦК, т.е. распоряжение последнего дать заведомо "липовый" рапорт о выполнении плана, в целях показа успешности развития социалистического сельского хозяйства и образца отстающим, /которые правда тоже имеют "резерв" и "закончат" сев рапортом на 2-3 недели раньше фактического его окончания/. Дурной пример заразителен. И такой способ "окончания" кампании весьма понравился районным руководителям. Об очковтирательстве колхозов и района говорили во всем районе, причем говорили также о том, что в двух соседних районах "липа" составляет около половины районных планов и никогда не будет досеяна. Вот такова ценность статистических сведений, которыми так часто козыряют советские правители.

Заведывающий районным статистическим отделом, не подозревая, что рапорт дан согласно распоряжения свыше, написал об очковтирательстве своему областному начальству. Справившись в обкоме и получив соответствующие указания, областное статистическое управление объявило выговор жалобщику за "клевету" и грозило снятием его с работы. Копию этого своего ответа на его жалобу переслало в райисполком, Хлыстова, согласовав вопрос с райкомом незамедлительно сняла зав. статистическим отделом, а на его место был поставлен "надежный" коммунист.

Новая перестройка партийных рядов.

Не успели еще коммунисты успокоиться после ареста людей "причастных" к убийству Кирова, как нагрянуло новое испытание. Это была безпримерная по своей жестокости чистка партии, именуемая "проверкой партийных документов". В отличие от предыдущих чисток, проводившихся специальными комиссиями, состоявшими из старейших членов партии, нынешняя чистка производилась единолично секретарями райкома партии, ряды которых в то время были основательно прочищены и укреплены за счет политотдельцев. После убийства Кирова ЦК непосредственно утверждал секретарей райкомов. В тайных письмах ЦК, проработанных на закрытых партсобраниях, говорилось, что как выявилось после убийства Кирова, ряды партии засорены врагами зачастую пробравшимися в партию, никогда не вступая в нее, а попросту украв чистые бланки партбилетов, или же подделав их. Ясно было, что "очищая и сплавивая" свои ряды, партия снова готовится к каким то новым наступлениям.

Из партии выгонялись люди при обнаружении наименьшей неточности в документах. Изгонялись все пришедшие в компартию когда-то из других крайних левых партий, люди, побывавшие хоть один день за границей, напр. в плену, или имевшие там родню. Исключались все родившиеся от девушек, ~~и поэтому не имевшие отчества~~ как подозрительные, поскольку не имели отчества.

"Сплочению" рядов и поднятию "боевого духа" служили взаимные доносы, клевета, подсиживание. Роль Паскудина была попросту незаменима. Как Кузьма Крючков когда-то "нанизывал" на пику по десятку вражеских солдат, так Паскудин "нанизывал" на свое острое и ядовитое перо пробравшихся в партию "чуждых". Он нещадно громил их и разоблачал на партсобраниях. От него не отставал Загребалов. Исключены были из партии все латыши, эстонцы, карелы и финны, которые, будучи шпионами НКВД, ходили за границу, ибо, согласно большевистской логике, человек побывавший за границей должен был обязательно заразиться вражеским духом. Из партии были выгнаны все коммунисты, оставшиеся пока единоличниками, Много сельских коммунистов - рядовых колхозников, сами сдавали партбилеты и просили больше их не считать коммунистами. Им казалось, что так будет спокойнее, но впоследствии оказалось иначе и все они были арестованы. Коммунист Гутман даже заболел от страха и, не имея возможности сам явиться в райком, послал с

партбилетом жену. Гаврилов забрал партбилет и велел передать Гутману, чтобы тот немедленно явился в райком. Приполз еле живой Гутман и его сразу же исключили из партии за доверие партбилета безпартийной жене. "А куда девать партбилет, идя в баню?" спросил Гутман и упал без памяти. "Выволоките его" велел Гаврилов. Гутман выволокли в коридор и облили холодной водой...

Машинистки для печатания материалов проверки партдокументов подбирались с великой осторожностью и долго опрашивались и проверялись в НКВД, пока на допуск их давалась санкция.

Хотя коммунисты вылетали один за другим, но обком звонил, что все мало и требовал новых исключений. Секретари некоторых райкомов по области были сняты, другие получили взыскание, за недостаточно тщательную проверку партдокументов, выражавшуюся в малом проценте исключений из партии.

Гаврилов довел процент исключений до 46. В иных районах было исключено по 50 и даже по 60%.

Окончательный удар по единоличнику.

В этот период, когда все коммунисты трепетали от страха за свою судьбу и готовы были душить друг друга ради спасения своей шкуры, была получена тайная директива обкома партии, в которой, на основании специального письма Сталина и Молотова, предлагалось повести наступление на единоличников, "закрыть все щели" для единоличника /так буквально и говорилось/. Выявить и учесть все возможные неземледельческие заработки единоличника и подвергнуть их обложению соответствующим налогом. Разгромить все "кулацкие" гнезда.

В эту работу немедленно были включены осатанелые от страха и взаимного предательства уцелевшие коммунисты, а также все работники финотдела, сберкассы, бухгалтеры, разные инспекторы, заготовители и проч. служащие; были созданы бригады во главе с коммунистами. Работа начиналась, как это было и на юге, с собраний сельского актива. На собрании обсуждали каждого единоличника, выявляя его "побочные заработки". Согласно указанию обкома, не могло быть единоличника без таких доходов. Поэтому каждая бригада обязана была "найти" эти доходы и она "находила". Какие "доходы" обнаруживали у единоличников свидетельствуют следующие примеры: крестьянин, хоть один раз в году

доставил товары в кооперативную лавку, или же отвез пассажира на станцию жел. дороги. Это уже давало основание считать, что он занимается извозом. Подсчет производился так: он может поехать до станции жел. дороги три раза в неделю, за каждый оборот он может заработать 50 рублей, что составит $50 \times 3 = 150$ руб. в неделю или 7.800 руб. в год. Отсюда на основании соответствующих расчетов с него должно причитаться столько то налога. Другой единоличник умеет делать деревянные ложки. Когда то он несколько ложек продал. Хотя точно известно, что изготовлением ложек он не занимается, но поскольку он изготовлять их мог бы, то производится подсчет сколько он мог бы их изготовить в день и сколько заработал бы. Отсюда исчисление налога. Третий умеет делать лапти из лыка и кому то сделал пару лаптей. Хотя этим ремеслом он промышленять не может, так как за попытку драть лыко в казенном лесу, /а леса все исключительно казенные/ ему не поздоровилось бы, но до этого никому дела нет и ему записывается вымышленный доход от лаптей. Точно также исчисляется доход всем бывшим когда либо столярами, или слесарями, или портными, или сапожниками. Даже бабка повитуха, которой раз в год пришлось помочь роженице, оказывается в числе людей имеющих многотысячные заработки. Хотя обслужив за год всех рожениц района, она таких денег не собрала бы. Своей подписью и печатью сельсовет подтверждал "правильность" данных о доходности единоличников.

Таким образом чудовищная ложь официальным органом власти объявлялась истиной. Если бы председатель сельсовета этого не сделал, то он не остался бы у власти и минуты и наверное был бы немедленно арестован.

После этого бригады шли по единоличникам и предлагали им "добровольно" вступить в колхозы. Если единоличник отказывался, ему называли ориентировочно сумму налога, которую он должен будет уплатить на основании вымышленных доходов. Иной прикинув умом, сразу же соглашался вступить в колхоз, иной же заявлял, что пусть лучше продается его имущество, но в колхоз он не пойдет. На ряду с работой по выявлению "побочных доходов" шла работа по ликвидации "кулацких гнезд", каковыми было признано больше сотни деревень. Действуя по принципу: "убрать вожаков и масса сама пойдет в колхоз", - в каждой такой деревне производились аресты тех, кого НКВД считало влиятельными и зачисляло в "вожаки". У арестовываемых описывалось имущество и у некоторых из них под разными предлогами конфисковалось. После ареста,

таким образом, полутораста "вожаков" и по окончании работы бригад оказалось, что около половины единоличников решило вступить в колхозы. Остальным райфинотдел начислил налог в сумме более двух миллионов рублей по районам. В среднем на хозяйство приходилось этого нового налога около 800-900 рублей. Это помимо основного налога, страховки, займа и проч. Одновременно с этим было строжайше запрещено всем учреждениям и организациям, в том числе и больницам, пользоваться за плату услугами единоличников, каков бы характер они не носили.

Получив налоговые листы, большинство единоличников вступило в колхоз. Некоторые начали было продавать лошадей, рассчитывая уехать в Ленинград, где почти у всех были родственники, но поступило новое распоряжение, под страхом предания суду запрещавшее продажу лошадей и убой рогатого скота, в том числе телят. Тогда многие сдавали лошадей в колхозы, отказывались от своих посевов и уезжали, или же оставались пока лишь на усадьбе. Однако, около 1000 хозяйств продолжали держаться и по мере сил выплачивали налоги.

Поскольку к тому времени оставалось еще много единоличных деревень, то пришлось организовывать новые колхозы. Характерно, что крестьяне, несмотря на свою запуганность, в большинстве случаев противились наименованию колхозов в честь ~~ненавистных~~ им "вождей". Они настаивали, чтобы колхоз носил имя наибольшей деревни, входящей в данный колхоз или же давали такие названия как "Волна", "Колос", "Путь". Однако, власти понуждали называть колхозы разными советскими именами, или же цепляли к Волне, Колосу, Пути прилагательное "Красный", "Советский", "Пролетарский" и т.д. Но обычно и после этого крестьянин называл колхоз именем деревни.

На ряду с наступлением на единоличный сектор вели штурмовую атаку и на церкви, закрывая одну за другой. (Примеры: 25 тыс и др)

"Добровольная" подписка на заем.

В газетах появилось письмо рабочих ИТР /инженерно-технических работников/ и служащих какого-то завода "требующих" чтобы правительство выпустило новый заем. После чего было опубликовано правительственное постановление, в котором говорилось: "... идя навстречу ходатайству рабочих ИТР и служащих многих заводов, а также колхозов.... ЦИК постановляет выпустить государственный заем на сумму в столько-то миллиардов. Далее говорилось, что поручается Наркомфину и

Центральному управлению сберегательных касс разработать соответствующие инструкции, дать на места необходимые указания и т.д. Для непосвященного обывателя, и в особенности для заграничного читателя, могло казаться, что дело обстоит в действительности так, как пишется в газетах и говорится по радио, т.е. что рабочие ИТР и служащие многих заводов, а также "счастливые" колхозники, будучи движимы порывом любви к "своей" власти и, имея избыток в своих доходах, проявляют собственную инициативу и требуют от правительства выпустить заем. И лишь идя навстречу этим требованиям ЦИК принимает решение выпустить требуемый заем. В действительности все эти письма и "требования", как и ответные решения ЦК, была лишь очередная живая инсценировка, ибо ежегодно еще в начале года районные сберегательные кассы получают все сполна предназначенные для района или города облигации предстоящего займа, все необходимые инструкции, а также необходимые плакаты и лозунги. Все это держится в тайне и об этом, кроме работников сберкасс, официально могут знать лишь руководящие партийные и советские работники, работники финотделов, банков и конечно, НКВД. Во всяком случае об этой тайне знают все или почти все служащие районных учреждений. Когда же приходит время для выпуска займа, ЦК партии намечает какие заводы должны обратиться с "просьбой" о выпуске займа. Руководителям тех заводов и районов где они находятся, дается соответствующая директива и готовенькое "обращение".

Партийный Комитет завода вызывает к себе несколько рабочих и Итеэровцев, преимущественно безпартийных, но пользующихся авторитетом, и им поручается выступить на заводском митинге "от группы рабочих, ИТР и служащих". Перед этим обычно проводятся тайные собрания партийной и комсомольской организации. В ответ на предложения гремят аплодисменты, переходящие в овацию, единогласно "принимаются" обращения к ЦК и правительству. Вот и все... Конечно, лишь безумец мог бы не только выступить против такого обращения, но и не поднять руки за него. Даже не аплодировать значит уже попасть "на карандаш" тайного агента НКВД или любого коммуниста...

И вот ко всем несчастьям, сыпавшимся на головы крестьян П-ского района, прибавилось еще одно неминуемое, ежегодно появляющееся зло. От каждого требовали "добровольно" подписаться на большую сумму займа. Конечно требовалось много труда, чтобы "убедить" каждого в отдельности единоличника подписаться на значительную сумму. Другое

дело в колхозе. Если колхозники еще настолько "несознательны, что при голосовании "за" могут воздержаться, то применяется обычный, простой и "демократический" способ: "кто против того, чтобы каждый колхозник "подписался" на 100 рублей?". Конечно, против никто не осмелится голосовать и решение считается принятым единогласно, после чего у колхозников лишь удерживают причитающиеся им на трудодни деньги. Если денег не хватит - удержат сколько нужно хлеба, или же вынудят внести наличными, а в крайнем случае запишут на него недостающую сумму, как его долг колхозу, который будет удержан в следующем году.

Большеви́стская уборка.

Вследствие обилия дождей урожай сена, хлебов и льна выдался не плохой. Но, благодаря коллективизации и большевистским методам уборки, больше половины сена сгнило в покосах или в копнах.

Вместо мобилизации всех сил на уборку хлебов и льна, как и в прошедшем году громадная часть людей была поставлена с первого же дня уборки к молотилкам МТС /которых уже было больше 20-ти/, да и к колхозным и была занята перевозкой зерна в государственные амбары. Кроме того, много народа было мобилизовано на дорожное строительство. В результате хлеба переставали, а снятые, попадая под дожди, гнили. Спрятать такое количество хлеба было некуда, раздать его по сараям колхозников не смели, сверху последовал приказ скирдовать. В результате скирдования влажных хлебов происходило горение в скирдах, хлеб гибнул. Лен гнил в мочилах или на стлищах. Гнили льняные головки, сложенные на островья по правилам большевистской агротехники. Районные руководители не в силах были придумать что либо спасительное, сваливали вину за потери на колхозных руководителей, на праздники и воскресенья, которых народ хоть частично старался придерживаться, и без конца арестовывали ни в чем не повинных людей. Невыход на работу в праздники объявлялся контрреволюционным саботажем. Традиционные ярмарки разгонялись и не раз доходило до стычек населения с комсомольскими бригадами, пытавшимися разогнать ярмарки и прогнать гостей, прибывших к своим родственникам из других деревень. В целях более успешной борьбы с народом райисполком издал "обязательное постановление" о борьбе с хулиганством. Правительство дало право местным органам власти издавать такие "обязательные постановления", имеющие силу закона и являющиеся мощным рычагом в их руках для проведения того или иного

мероприятия. Издавать закон в государственном масштабе, в котором говорилось бы о борьбе с "поповскими и кулацкими праздниками" неудобно, ибо это противоречило бы другим законам, свидетельствующим о, якобы имеющей место, веротерпимости. За то по мере надобности местные органы могут издавать такие гласные "законы", вытекающие из негласных директив вышестоящих органов.

Так вот, на основании вышеуказанного "обязательного постановления", направленного якобы против хулиганства и в "защиту" мирных граждан за не выход на работу в праздники и воскресенья люди предавались суду. За короткий период времени из осужденных были созданы целые рабочие батальоны для дорожного строительства. /Следует заметить, что на строительство дорог местного и областного значения государство не тратит ни копейки. Все идет за счет населения, хотя оно и не пользуется этими дорогами, не имея ни лошадей, ни велосипедов. А пешком предпочитает ходить по тропинкам. Дороги же служат исключительно государству/.

Вслед за райисполкомом было издано "обязательное постановление о борьбе с хулиганством" и городским советом. Однако составители этого постановления перестарались и дело не обошлось без казуса. Кроме пунктов, запрещающих вплоть до особого распоряжения базар, в этом постановлении были пункты буквально гласившие следующее: "запрещается собираться группами больше трех человек для благовидного времяпрепровождения". "Запрещается громко петь, плясать, кричать и нарушать другими действиями порядок", "при прохождении по улице громко сапогами не стучать, в окна грязью не швырять, прохожим в лицо не плевать".

Услышав это постановление по громкоговорителям трансляционной городской сети и прочитав его в районной газете, горожане приняли как очередной "мудрый" закон. Однако дойдя до Ленинградского областного литконтроля (цензуры), "закон" был подвергнут резкой критике за его... аполитичность. В дело вмешался обком партии, дав указание райкому "вздернуть" создателей "закона". Райком их "вздернул" и под его руководством все вышеуказанные пункты приобрели "ярко политическую" окраску, хотя существенного изменения и не претерпели.

Однако никакими обязательными постановлениями нельзя было восполнить тысячи рабочих рук, оторванных от полевых работ и спасти

хлеб в гниющих скирдах.

Первая заповедь - сдача урожая государству.

Но первая заповедь, каковой являлась сдача хлеба государству в порядке хлебопоставок, выполнялась довольно успешно. Это главное за что боялись и отвечали районные руководители. Вслед за первой заповедью шла вторая заповедь - это сдача натуроплаты МТС, т.е. тому же государству. Важно заметить, что государству отдавалось самое лучшее зерно. И лишь следующей заповедью, после выполнения первых двух, была засыпка семенных, затем страховых, а затем многочисленных прочих фондов, включая МОПР, ОСОАВИАХИМ, Красный Крест, имеющих целью финансирование вооружения и революционного движения за границей. И, наконец, лишь остаток, после выполнения всех "Заповедей" мог распределяться по трудодням.

Что касается сдачи льноволокна и льносемян, то существовала лишь одна заповедь - это сдача его до-чиста государству. Отныне никто не имел права расходовать на свои нужды даже кудель. Пришлось забывать и о переработке льносемян на масло. То и другое принадлежало государству. Дабы поторопить район со сдачей льноволокна из области звонили, что затяжка сдачи является тяжким преступлением, поскольку она не дает бросить волокно на мировой рынок раньше других государств, дабы дороже продать. Районщики попытались было ссылкой на экспорт поторопить колхозников с обработкой льна, но колхозники выразили явное недовольство, что их лишают даже нитки, отправляя лен за границу и агитационную пластинку пришлось сменить, а тех колхозников, которые впоследствии говорили, что, мол, спешить не зачем, все равно все пойдет за границу, обвиняли в контрреволюционной агитации и отдавали под суд.

Для ускорения переработки льна начали применять льнотрепальные машины "еанталёвки", которые из-за своего несовершенства от 1/3 до 1/2 льноволокна превращали в кудель. Но для властей это было неважно, лишь бы поскорее выполнить план.

"Ранние и сжатые сроки", установленные правительством для выполнения планов хлебосдачи и льносдачи, правительственные директивы о безотлагательном развертывании в этих целях молотьбы и переработки льна понуждали местные власти и колхозных руководителей подчинить все первой заповеди, не имея ни времени, ни возможности позаботиться о спасении хлебов и проведении осеннего сева. Страх перед

ответственностью за опоздание с заготовками даже на несколько дней, а также не желание ударить лицом в грязь перед другими районами были так велики, что район, в целях перестраховки, значительно увеличил заготовительные планы, полученные из области, с тем, чтобы передовые колхозы, перевыполняя свои основные планы, перекрывали бы то, что не успели сдать отстающие и чтобы району, не ожидая выполнения планов всеми отстающими можно было бы отрапортовать о выполнении планов в целом по району. Эту хитрость хорошо постиг Гаврилов и, ограбив сверх плана наиболее передовые колхозы, а кроме того, договорившись с Хлыстовой, Пузановым и уполномоченным комитета заготовок, добавив к фактически заготовленному тонн сто "липы" в конце августа отрапортовал о выполнении плана хлебзаготовок. К октябрьским праздникам таким же порядком был выполнен план заготовок льна. За успешное выполнение первой заповеди Гаврилов и Хлыстова получили в качестве премий дорогие радиоприемники, стоимостью ~~по 700 рублей~~, прекрасные хромовые сапоги и кожаные пальто. А уполкомзаг - велосипед и костюм. Спрашивается, что же получают колхозы за сданное зерно, лен, картофель, за прочие овощи и фрукты, за сырую кожу /частная и колхозная переработка запрещена и кожа сдается государству, как колхозами так и частными лицами, под страхом тюрьмы/, за шерсть, молоко, мясо, мед?

Они получают деньги. Но как ничтожна цена, которую платит государство за все эти продукты и сырье и как чудовищно велика государственная прибыль свидетельствуют такие например цифры: за центнер /100 кгр./ пшеницы государство платило 12 руб., а хлеб выпеченный из 96%-го размола продавало по 1 рублю за килограмм. Таким образом за 140 кгр. хлеба выпекаемого из центнера пшеницы оно выручало 140 рублей. Метр ткани, получаемой из колхозного льна обходился государству в 30 коп., а продавался по 5-ти рублей. Литр водки, выкуриваемый из колхозного картофеля, забираемого в колхозах по 2р:50 коп. за центнер /100 кгр./, обходился государству около 11 копеек, а продавался /цены 1935 г./ по 12 руб. т.е. в 100 раз дороже себестоимости.

Еще одна заповедь - "добровольная" продажа хлеба государству.

В порядке первых двух заповедей было выкачано столь огромное количество хлеба, а потери были столь чудовищны, что, несмотря на хороший урожай, после засыпки фондов в большинстве колхозов почти ничего не осталось на трудодень. Из 275 колхозов лишь в 6-ти на трудодень

приходилось по килограмму зерновых, самого худшего сорта, зачастую пополам с отходами. Однако ненасытная власть не могла оставить народ в покое. Не удовлетворяясь почти пятью тысячами тонн лучшего зерна, полученного в порядке выполнения "заповедей", а также изъятием всего льноволокна, кудели и льносемян, она дала задание райкому "закупить" на "добровольных" началах 1200 тонн зерна.

Для "убеждения" колхозников "продать" оставшийся на трудодни, а у иных и на семена хлеб были применены обычные методы голосования: "кто против продажи хлеба - тот враг народа и пусть подымет руку", а также многочисленные аресты. В результате колхозы "продали" 1300 тонн, за что районные руководители, некоторые председатели сельсоветов и колхозов снова получили премию. Правда, этот хлеб отоваривался. Колхозы получали талоны, по которым могли приобрести для хозяйства сбрую, стекло, железо, гвозди, а некоторым даже были проданы грузовики. Но колхозник, лишившись последнего зерна, предназначавшегося на трудодни, ничего не получил. Таким образом всю денежную оплату его труда поглотили займы, налоги и сборы, а натуральную - хлебозаготовки, натуроплата, МТС и хлебозакупка. Лишь самые зажиточные колхозы все же выдали по пол килограмма отходов, но и это зерно, или же полученное с собственного огорода не все могло быть употреблено колхозником. Власть вела самую жестокую борьбу с теми, кто молот дома на жерновах. Уже давно приказано было все жернова сдать. А если у кого после этого они обнаруживались, то виновник подвергался штрафу или садился в тюрьму. Делалось это для того, чтобы заставить крестьян молоть на государственных мельницах.

Пока мельницы были в частных руках - власть кричала, что взимание за помол натурой является грабительством и выступала в "защиту крестьян". При коллективизации мельницы, находившиеся в сельских местах и не успевшие быть национализированными, в порядке раскулачивания были изъяты у их хозяев и перешли в распоряжение колхозов. По государство со временем забрало эти мельницы в свои руки и явилось, таким образом, монопольным хозяином их и установило гарнцевый натуральный сбор, в два раза больший, чем брал частник. Кроме гарнцевого натурального сбора за помол приходилось платить еще и деньгами. Желая разгрузиться от лишних хлопот государство вернуло часть небольших мельниц колхозам, с тем однако, что в их распоряжении остается лишь денежная оплата, а весь гарнцевый сбор до зерна сдается

государству.

Попытка крестьян мять зерно в ступах закончилась конфискацией ступ. В конце концов выхода не было и человек или же ел целое зерно или же нес его на государственную мельницу. Там оно сортировалось и снова таки лучшее забиралось за помол, а худшее шло на муку.

Итоги года.

Еще весной 1935 года многие единоличники не могли себе представить что к концу года, будучи "освобождены" от пут своего мелкого единоличного хозяйства, окажутся "освобождены" и от средств к жизни и даже окажутся в долгу у государства. Но тем не менее к январю 1936 года в районе уцелело недобитых всего навсего 125 единоличников...

Истекший год явился годом завершения сплошной коллективизации в стране.

По случаю побед социалистического сектора над единоличным, а также успешного проведения всех компаний, областной властью было разрешено устроить ~~по этому поводу~~ в райцентре банкет, на котором участвовали коммунисты, а частью и "непартийные большевики," отличившиеся в проведении коллективизации, заготовок, и прочих компаний. После официального доклада Гаврилова началась попойка под звуки духового оркестра, длившаяся целые сутки. Обилие яств и напитков было необычайное. Всего этот банкет съел 10 000 рублей деньгами, не считая продуктов доставленных колхозами. И опять таки все эти расходы легли на плечи "счастливого" колхозника. Обалделые от обжорства и перепоя коммунисты ~~чуть не закачали на смерть~~ Хлыстову Пузанова ~~именуя его чуть ли не теми же эпитетами, которыми величают лишь отца народов.~~ А Паскудин даже прослезился и, опустившись на колени обнимал ноги Гаврилова, воспевая ему дифирамбы за организацию "блестящей победы над мелко-буржуазной стихией и врагами народа".

Стахановщина.

"Рекорды" Стаханова и Марии Демченко были подняты правителями как боевое знамя. Под этим знаменем и проводилась подготовка к севу и посевная кампания 1936 года.

Настало время, когда политический актив, руками которого громили единоличника, отыграв свою роль, был сдан в архив. Явилась потребность в новых людях - в энтузиастах производства, дающих высокую

производительность труда. В качестве образцов таких людей служили Стаханов в промышленности и Мария Демченко в сельском хозяйстве. Получив директивы о развертывании стахановщины, районщики собрали перед началом посевной кампании около двухсот будущих стахановцев, подобрав их через местные партячейки и сельсоветы. Им рассказали о достижениях Марии Демченко и Стаханова и призывали взять на себя различные обязательства как по поднятию урожайности так и по производительности труда. За стахановскую работу обещали высокую оплату, разные премии и представление к награде орденами. Будущие стахановцы сидели за столами с разными закусками, но никто пока не мог притрагиваться к еде, слушая доклад Гаврилова: "вы у нас будете первыми людьми. Вы явитесь опорой нашего социалистического сельского хозяйства," говорил он. Затем Хлыстова зачитала обращение к собранию колхозников других районов, согласно которого будущие стахановцы брали на себя обязательство в разных отраслях хозяйства, в частности они обязывались достичь урожая льноволокна по 10 центнеров с гектара. Там же говорилось о самообязательствах по добыче торфа, которую запланировано было развернуть для цели удобрения. Говорилось о количестве порослят, которых собираются вырастить присутствовавшие на собрании свинарки и т.д.

Наконец два соседних района вызывались на социалистическое соревнование. Конечно, обращение было принято единогласно. Глядя, как начальство хлопает в ладоши колхозницы также начали слегка хлопать, принимая это как необходимую церемонию, после этого приступили к обеду, а затем разделились по отраслям и выслушали инструкции специалистов.

Дабы самообязательства не остались на бумаге райком партии прикрепил всех своих сотрудников, сотрудников райисполкома, агрономов и разных ответственных партийцев города к отдельным полевым звеньям и фермам, взявшим на себя обязательства для наблюдения и помощи им. Однако, абсолютное большинство самообязательств осталось на бумаге, ибо голодным колхозникам /живущим уже с зимы небольшими авансами, украдкой выдаваемыми колхозами за счет страховых фондов/ было не до стахановщины.

После посевной кампании снова был созван районный слет стахановцев, выделившихся фактической или липовой

производительностью труда в период сева. Их угощали и некоторым давали премии. Затем им объяснили, что их производственные показатели свидетельствуют, что нормы выработки установленные в колхозах слишком низки, а расценки слишком высоки и предложили проголосовать за резолюцию, в которой стахановцы "просили" земельное управление установить более высокие нормы выработки и снизить расценки. Голосовали единогласно. Конечно, против голосовать никто не мог, ~~ибо это было омерзительно~~. "Идя навстречу просьбам и ходатайствам" колхозников, власть не замедлила провести реформу в оплате труда и его производительности. За то подгонялам, т.е. председателям колхозов, членам правления, бригадирам, кладовщикам, канцеляристам устанавливалась довольно высокая оплата, и у них был прямой интерес держаться за свою должность и выжимать соки из колхозников. Кроме того, над колхозными руководителями висел постоянный страх ответственности за выполнение даваемых государством производственных и заготовительных планов и они вовсе не считались с интересами колхозников. Если они даже избирались колхозниками, а не навязывались им, все равно, они, вследствие означенных двух факторов /оплата и страх/ превращались в агентов власти - ее приказчиков. Разумеется, никакой демократии в колхозе не было. Он не являлся хозяином своего добра и, как мы видели, не имел права им распоряжаться, превращаясь в государственное хозяйство с ярлыком сельскохозяйственного кооператива.

На страницах районной газеты стали появляться умопомрачительные цифры по торфодобыче. Некий стахановец добыл 25 тонн торфа в день, но его выработка изо дня в день росла и через неделю он якобы добыл уже 100 тонн в день. Стали появляться подобные показатели и у других стахановцев, правда не дошедшие до 100 тонн. Для проверки была выслана комиссия во главе с заведующим земотделом, которая подтвердила правильность сведений. Из области потребовали официально подтвердить точность показателей, появившихся на страницах ~~областной~~ и центральных газет, что и было сделано. Облзу срочно выслало премии стахановцам. Из наркомзема же неожиданно нагрянула ~~научная~~ комиссия для проверки безпримерной выработки на месте. Больше всех перепугался заврайзо и немедленно позвонил в сельсовет, где работали стахановцы. Приехав на место, комиссия обнаружила двоих главных рекордсменов "больными", а работу третьяго, который успел довести выработку до 50 тонн, решили проверить. В составе комиссии был также врач. Перед началом работы

стахановца он выслушал его сердце и записал пульс. Работа для хронометража должна была длиться всего 15 минут. После 15-ти минутной работы проведенной с напряжением всех сил стахановца был сделан обмер, на основании которого комиссией был выведен результат дневной выработки 45 тонн. После работы врач снова проверял пульс и что-то себе записывал. Когда после отъезда комиссии спросили стахановца каково ему, он ответил, что если бы он так по работал еще 5 минут у него разорвалось бы сердце. Как "делались" рекорды "заболевших" да и этого - это их секрет вместе с руководителями колхоза сельсовета и райзо. Но "научная" экспертиза подтвердила "правильность", показываемых в сводках данных и на этом основании в районе была установлена дневная норма выработки 20 тонн, за что полагалось два трудодня. За каждые последующие 5 тонн предусматривался один трудодень. В случае же добычи лишь 10 тонн колхозник получал не один трудодень, а пол трудодня. Таким образом, "стахановцы" - провокаторы заработали как следует на своих "рекордах", но что называется "подложили свинью" другим колхозникам.

Стахановская горячка тогда охватила все отрасли жизни района. Все без исключения учреждения получали директивы о включении их в стахановское движение. Угар соцдоговоров и встречных планов охватил всех от райкома и НКВД до больничной сиделки. Казалось бы в чем могла показать стахановские образцы работы сиделка? Оказывается в количестве обслуживаемых больных. Врачи вызывали друг друга на соцсоревнование и брали на себя соцобязательства по количеству осмотренных за день больных. Так, не только зубной врач обязывался в два раза сократить время на вырывание и лечение зубов, уже не говоря о терапевте или глазнике, но даже хирург обязывался удвоить пропускную способность своего стола, а акушерка удвоить количество обслуживаемых рожениц. Судья, в свою очередь, обязывался во столько то раз увеличить количество пропускаемых дел /которых, кстати, постоянно не меньше тысячи ждали своей очереди/. Стахановцами должны были становиться учителя, работники прилавка, сторожа, кухарки. Все эти анекдотические и порою безумные самообязательства люди были вынуждены брать на себя если не в серьез, то хоть для отвода глаз, пока немного остынет горячка, дабы не попасть в разряд каких либо оппортунистов или саботажников. Один Московский археолог рассказывал, что его группа обязалась в течении 1936 года "добыть 250 древних монет и шесть саркофагов, а также дополнить существующие уже материалы посредством раскрытия неизвестных еще могильников по

каменному веку на 15% и т.д. и т.п...

Акты на вечное пользование землей.

Чтобы создать какую либо приманку для голодных и унылых колхозников, "по инициативе великаго Сталина", начали вручать колхозам акты на "вечное" пользование землей.

Вручению акта предшествовала отрезка земли от колхозницких усадеб, согласно новаго закона, сводящаго до минимума объекты частно-собственнических забот колхозника и расширяющаго общественное, т.е. казенное хозяйство. Вместо восторга, колхозники встречали вручение актов новыми потоками слез. Их мало радовало сколько их колхоз будет иметь земли, насколько то, что выращивается на ней им не принадлежит. Не имея куска хлеба, они вынуждены были за 50 км. ехать в город и становиться в очередь за хлебом, однако, хлеб выпекался не по потребностям населения, а согласно нарядам, отпущенным свыше. В результате хлеб могло получить лишь малое количество людей. Городское население из-за этого также оставалось без хлеба. Дабы снабдить своих сотрудников хлебом районные учреждения открыли у себя в учреждениях внутренние буфеты, а начальству продукты развозились на дом. В районной газете стали помещать заметки под кричащими заголовками, где говорилось, что очереди за хлебом и прочими продуктами есть следствие паники, которую сеют контрреволюционные элементы среди населения, а также следствие того, что спекулянты и единоличники якобы хлебом кормят скот, искусственно создавая затруднения. Газета взывала к общественности повести решительную борьбу с очередями, состоящими из вышеупомянутых "спекулянтов", "единоличников", "лодырей" и "провокаторов". Эти же бедные "провокаторы", иногда простояв по двое суток в очереди и не достав хлеба, ~~чаеѐ~~ падали в обморок.

Конечно, вручающее акты начальство не говорило ни слова о том, что колхозники уже голодны и что их ждут еще большие бедствия. Не говорило оно и о том, что, вопреки лживым статьям колхознаго устава, колхозник лишился права пользоваться для самых насущнейших нужд лошадьми, что вспашка его огорода или вовсе не производится, и он вынужден копать его лопатой, или же производится в июне. Что не каждому удается вымолить колхозную лошадь, чтобы отвезти смертельно больного в больницу, в результате многочисленные случаи смерти из-за неоказания медицинской помощи. Конечно, не упоминало начальство о том, что колхозники, не имея

права держать быков-производителей, вынуждены платить в три дорога за колхозного быка и не иначе как наличными. Молчало начальство и о массовом бегстве колхозников в Ленинград на заводы. Зато оно перевозило вооружение района 50 тракторами, распашку 7 тысяч гектаров целин и кустарников, ликвидацию единоличного сектора.

Насколько "твердо" закреплял акт землю за колхозом свидетельствует то, что вскорости после вручения актов, согласно директивы центра, начали массовое слияние колхозов в более крупные, не считаясь с желаниями колхозников. Кроме того, отрезывали у колхозов участки земли для разных казенных нужд.

Расхуторизация.

Большим несчастьем для хуторян, которыми в районе было половина больше 2000 хозяйств, явился государственный план расхуторизации. Для постройки изб хуторянам были отведены участки около старых деревень. На хутора посылались колхозные бригады, которые ломали постройку колхозников. Но, поскольку общественная работа занимала все время, то строить избу не было времени, и хуторянам приходилось ютиться по соседям или сараям, сооружая новое жилище для себя, коровы и птицы по ночам. За невыход на колхозную работу в качестве штрафа срезали по несколько, ранее заработанных, трудодней. Сады, бывшие на хуторских усадьбах, переходили в собственность колхозов и хозяин вырастивший их уже не имел права сорвать яблоко, ибо за такое "расхищение соц. собственности" ему грозила тюрьма.

Комиссия по урожайности.

Когда посевы достигли определенного роста в район приехала межрайонная комиссия по определению урожайности. Такие комиссии созданы по всей стране и являются постоянно действующим учреждением. На основании их материалов составляются планы заготовок. Комиссия сделала вторичную проверку посевов и установила, что виды на урожай прекрасны. Хотя это было не совсем так, но райончики были польщены такой оценкой, свидетельствовавшей об их хорошей работе.

Вскоре наступила засуха редкостная для тех мест. На глинистой почве образовалась непроницаемая, что черепок, корка. Огромные площади яровых посевов погибли, остальные не везде обещали вернуть семена.

Агрономы, вместе с сельсоветами и колхозами, начали составлять

акты о гибели посевов. В результате в районе накопилось таких актов на многие тысячи гектаров. Однако из области последовала директива, запрещающая составлять подобные акты, называя их кулацкой выдумкой, рассчитанной на готовящийся саботаж заготовок. Все акты были уничтожены, а колхозам, пострадавшим от засухи, повторяли слова из директивы Обкома.

Однако районные руководители забили тревогу. Гаврилов выехал в Ленинград, где заявил, что район не только не сможет выполнять каких либо планов, но будет нуждаться в помощи, хотя бы семенами. В обкоме его выругали за то, что он поддался "кулацкой" панике, и, пригрозив наказаниями, прогнали.

Приехала второй раз комиссия по урожайности. Выбрав колхозы, расположенные на низких местах с почвами, богатыми влагой и, произведя обмер их посевов, она подтвердила свой прежний прогноз на урожай.

Вслед за тем район получил планы заготовок. Снова поехал Гаврилов в Ленинград, захватив с собой Хлыстову, уполкомзага и старших агрономов Райзо и МТС. Он пытался доказать, что такие планы явная бессмыслица и не могут быть покрыты предвиденным урожаем, особенно по льну. Однако ему и всем спутникам ответили, что государству нужен хлеб, лен, картофель и все прочее и что за срыв выполнения планов районщикам и в первую очередь Гаврилову придется отвечать головой. Ничего не оставалось, как вернуться в район и со страхом и ~~трепетом~~ ждать созревания урожая и пока что сдавать сено, урожай которого был столь плох, что после того, как все сено было сдано и в колхозах не осталось даже для телят на зиму, все же план был не довыполнен на 20% и повис в качестве недоимки на следующий год.

Снова потери.

Наступило время уборки. Если озимые дали урожай ниже среднего, то яровые, как и следовало ожидать, не везде вернули семена. Льны вышли средними, а изредка даже выше средних лишь на влажных местах. Примерно четверть их вовсе погибла. Казалось бы при таком стихийном бедствии нужно все силы приложить к тому, чтобы не допустить ни малейших потерь. Однако, уже с первых дней уборки на страницах центральных газет и в директивах ЦК и правительства раздались грозные предупреждения против "оппортунистической" очередности, требующие немедленно сдачи хлеба и льна государству. Повторилась прошлогодняя

история с отрывом громадных масс людей для молотьбы и перевозок. Кроме того, форсированно строились дороги, на которые были мобилизованы тысячи людей и лошадей.

МТС имело уже комбайны и льнотеребилки, которыми, согласно полученного из области плана, она должна была убрать довольно значительные площади урожая. Отобрав наилучшие участки хлеба и льна МТС их закрепила за собой для уборки машинами. Пока МТС возилась со своими машинами на одних участках, другие переставали и гибли. Колхозы же не имели права убирать сами, ибо им пришлось бы платить большую неустойку за нарушение договоров. Видя, что машины без конца ломаются в виду каменистой почвы и сильной пересеченности местности, что, в ожидании их, урожай на лучших участках погибнет, райком на свою ответственность распорядился убирать колхозными средствами, с немалыми однако уже потерями.

Зная, что урожай этого года целиком уйдет в заготовки и не желая обречь себя на голодную смерть, колхозники, вопреки всем мерам, понуждающим их работать в колхозе от зари до зари, часть времени отрывали для уборки своих урезанных огородов. За то на будущее им было совершенно запрещено производить посевы хлеба и льна.

Борьба с "саботажем" и все большее закрепощение КОЛХОЗНИКОВ.

Урожай был так плох, что, несмотря на круглосуточную работу 22 тракторных молотилок МТС и всех колхозных, зерна выходило слишком мало, чтобы выполнять пятидневные задания по заготовкам. Местами зерна почти не было - шла одна солома. Всюду много зерна уходило в солому и мякину из-за влажности хлеба и его незрелости. Из области без конца звонили, грозили, пугали. Кроме того, устраивались радио-переключки, для чего телефонная сеть связывалась с радиостанцией. Областное начальство по радио громило отстающих и сулило награды передовым. Иногда в разговор во время переключек врывалось слово "воздух", тогда телефонная линия выключалась и районщики спешно готовились к предстоящему отчету по радио.

Сигнал "воздух" означал, что телефонный провод занимается разговорами ГПУ. Такой разговор мог длиться иногда и четверть часа. ~~дать 10-15 минут, пока закончится разговор "соответствующих органов", имеющий отношение к контр-революции или шпионажу или же~~

являющийся военной ренетицией. Такие же переключки каждую пятидневку устраивал район с сельсоветами. Горе бывало техникам радио узла и телефонным, если переключка не ладилась. Кому либо из них обязательно приходилось отсидеть в НКВД за "саботаж". Небезинтересно заметить, что телефонизацию относят к большим завоеваниям социализма в деревне, но ни один колхозник, рабочий или учитель не имеет возможности воспользоваться телефоном в личных целях, хотя телефонизация проведена исключительно за деньги населения. Телефонная сеть служит только интересам государственным. У телефона, как на фронте, непрерывно - день и ночь дежурят люди, принимая или передавая телефонограммы, сводки, или сообщения о "саботажах" и срывах, о поломке тракторов и машин. Но если бы даже линия была свободна и мать, у которой при смерти ребенок, хотела бы позвонить врачу дабы спросить у него совета, это ей не будет разрешено. Не для нее этот телефон, хотя и за ее деньги проведен...

Повидимому "саботаж" голодных колхозников, не могущих работать по 24 часа в сутки, имел место не только в П-ском районе, так как обком разослал строгую директиву, в которой, после ряда цитат из Сталина о том, что "кадры решают все", что "ответственность ложится на 9/10 на руководителей, а не на объективные причины" и, что необходимо "овладевать большевизмом", дано указание о беспощадной борьбе с саботажем и вредительством вражеских элементов, задавшихся целью сорвать заготовки. Далее предлагалось издать "обязательные постановления", которыми уборка и молотба приравнивалась бы к аварийным работам и отказ от нее рассматривался бы как отказ от работы при стихийном бедствии (как пожар или наводнение). Такое "обязательное постановление" незамедлили издать и суды, на основании их, пропускали в день по 50 и по 100 дел, отправляя людей в тюрьму. Люди вынуждены были работать голодные, так как выдавать хлеб авансом было запрещено под страхом предания суду - до окончания хлебозаготовок. Правда, в некоторых колхозах было организовано общественное питание. Варили картофель, или какую либо похлебку.

Под видом борьбы с "саботажем" запрещалось даже болеть. Врачей, выдававших справки о болезни, провоцировали, подсылая к ним притворившихся больными комсомолок и, после освобождения такой "больной", врача арестовывали. В результате врачи ни при каких условиях не выдавали справок.

Людей, бегущих в Ленинград, судили заочно и оттуда доставляли этапом. Таким образом для колхозников создавалось безвыходное положение и они вынуждены были работать, иногда не получая круглые сутки смены у молотилки или у льнотрепальных агрегатов...

Райком имел твердый срок для обмена партбилетов. Из 46% исключенных коммунистов за год было большинство восстановлено в порядке апелляции и Гаврилову предстояло в короткий срок выдать больше 300 партбилетов и кандидатских карточек. С соблюдением величайших предосторожностей ЦК переслал через фельдсвязь НКВД чистые бланки партдокументов, отпечатанные на особой бумаге с разными водяными и секретными знаками и химическими составами. Были присланы особые чернила, особая краска для печати и американский клей. Все это было несмываемо и состав его засекречен. Для заполнения регистрационных бланков и партдокументов были мобилизованы члены партии - особые писцы, тщательно проверенные через НКВД. Вся работа по оформлению и выдаче документов происходила за двойной железной дверью, где стояли нестORAемые шкафы, а у писцов и Гаврилова всегда были наготове револьверы. Кроме того, в коридоре день и ночь дежурили вооруженные коммунисты. С утра до вечера просиживал Гаврилов за закрытой дверью, проверяя заполненные бланки и партбилеты, подписывая их и ставя особую, полученную из ЦК печать и там же вручая готовые документы вызываемым коммунистам. Насколько велико значение придавалось соблюдению предосторожностей и тайн, видно из того, что даже комсомолка работавшая в райкоме комсомола, зашедшая в секретную комнату, имея неотложное дело к одному из писцов коммунистов, была сразу же отправлена в НКВД и больше не вернулась. Таким образом в самый разгар уборки и заготовок руководитель района почти не выходил из секретной комнаты, в которой не разрешалось даже иметь телефон. И он занимался компаниями вечером и ночью, ибо ответственность за их проведение с него не снималось, а на Хлыстову особенно положиться нельзя было.

Заготовки воробьев.

Степень страха у районных руководителей была столь велика и директивы вышестоящих органов были для них столь обязательны и безапелляционны, что они не смели даже мыслить критически, слепо исполняя их и часто делая казусы из-за простой опечатки. После вызова

Хлыстовой и уполкомзага в область на совещание по вопросам хлебозакупок, райисполкомом была получена телеграмма следующего содержания: "первую очередь закупите 10 тысяч воробьев". Встревоженная Хлыстова прибежала к Гаврилову со словами: "Новое задание. Требуется 10 тысяч воробьев, не иначе как для военных нужд". Просмотрев телеграмму Гаврилов убедился в правдивости слов Хлыстовой и вечером был созван в район весь районный руководящий актив, а также были вызваны председатели сельсоветов и парторги. "Товарищи," начал Гаврилов, "партии понадобились воробьи. Для каких целей - это не наше дело. Возможно для военных. Служат же в армии голуби. Возможно, что воробей призван сыграть неслыханную роль в будущей войне. Нам дали пока в первую очередь закупить 10 тысяч. Как видно, после этого последует и вторая очередь, поэтому я думаю мы не станем пасти задних и сразу заготовим как можно больше. Я думаю, что мы обойдемся без больших затрат и деньги, которые будут нам отпущены, возможно разрешат израсходовать на другие цели, ибо как вы знаете выполнение финансового плана у нас туго, в результате чего учителя, врачи и служащие, находящиеся на местном бюджете, уже по три-четыре месяца не получают зарплату. Сейчас же нужно разработать вопросы ловли воробьев, их хранения и питания пока наступит распоряжение отгрузить..." все эти вопросы были немедленно разработаны и на следующий день на ловлю воробьев были мобилизованы все дети, вооруженные силками, западнями, сетками и прочими приспособлениями. Заготовки шли так успешно, что колхозные столяры не успевали делать клетки. Лишь некоторые отстающие сельсоветы пришлось немного подстегнуть. За пять дней было заготовлено 20.000 воробьев и в обком партии полетел рапорт: "Задание по закупке воробьев выполнено на 200%, ловля продолжается, ждем распоряжения об отгрузке". Рапорт подписали секретарь райкома, предрика и уполкомзад. Среди ночи Гаврилов был вызван к телефону. Из Обкома недоумевающе спрашивали, что за бессмысленный рапорт поступил. Оказалось, что в телеграмме, полученной Рик-ом за подписью Воробьева речь шла о закупке 10 тысяч центнеров хлеба. Гаврилову обещали "влепить" за заготовку воробьев вместо хлеба и льна. Он же в свою очередь не замедлил поставить на бюро райкома вопрос о Хлыстовой и уполкомзаге, которые, мол, были на совещании в области и забыли о чем там шла речь. Заодно Гаврилов довел до сведения бюро несколько жалоб, поступивших на Хлыстову со стороны председателей сельсоветов и колхозов. В свои 42 года Хлыстова

переживала вторую молодость и, пользуясь своей властью, угрозой понуждала сожительствовать с собой своих подчиненных. Хлыстова спорила против обвинения в разврате, говоря, что коммунисты мужчины еще не то делают, что они за конфетку или просто за кусок хлеба растлевают 12-ти летних девочек, а 15-тилетних есть не мало беременных. Ковырнув грязь, ее невольно раскрыли целые вороха и о ней заговорил весь город. Дело кончилось тем, что впоследствии Обкому пришлось мирить взаимно разоблачаемых коммунистов. Обком приказал прекратить взаимные разоблачения по делам не имеющим отношения к соц. строит. и лучше заниматься делом.

**Колхозы остались без хлеба и семян, зато получили
Сталинскую конституцию.**

Жестокими мерами власти удалось выполнить районный план хлебозаготовок, натуроплаты и хлебозакупок. Номинально существовали твердые планы заготовок и закупок для каждого колхоза, после выполнения каковых, колхозы, казалось бы, имели право воспользоваться остальным зерном для своих нужд. Фактически же дело обстояло таким образом, что, независимо от выполнения и перевыполнения некоторыми колхозами своих планов, выкачка из них продолжалась до тех пор пока районные планы не были выполнены. Те же колхозы, которые, сдав все зерно, все же не выполнили своих планов - остались должниками государству. Их просьбы о том, чтобы они остались должниками колхозов, выполнивших за них планы, были отклонены как антигосударственные.

В результате такого грабежа в районе почти не оказалось колхозов, могущих выдать на трудодень хотя бы 200 гр. отходов. Больше того, большинство колхозов осталось без семян и фуража.

Что касается льна, то, несмотря на переработку всей пакли и даже костры, а также на изъятие старой пакли, утеплявшей чердаки и закрывавшей щели в постройках, план был выполнен всего на 60%.

Район был также оголен от картофеля и агрономам пришлось мудрить над тем, как организовать сбор и хранение картофельной шелухи, дабы ее весной 1937 года использовать в качестве посадочная материала. Кроме того, они начали делать опыты с посадкой клубеньков, растущих на картофельной ботве.

Таким образом 1936 год закончился тем, что колхозы остались в

долгу у государства, а колхозники в долгу у колхозов за полученные ими авансы и уплоченные за них займы. О пропитании они должны были заботиться сами. Колхозный скот остался без фуража. Во многих колхозах из-за неурожая было мало даже соломы. Солома также не выдавалась на трудодни и колхозники должны были искать способов как прокормить свой скот.

Зато народу было преподнесена "самая демократическая в мире сталинская конституция". За неосторожные высказывания, сделанные по адресу конституции, прикрывавшей безправие и голод, в районе были арестованы сотни людей, обвиненные в контрреволюции.

Как делаются стахановцы.

Из многих десятков льноводческих звеньев, взявших на себя обязательство собрать 10 центнеров льноволокна с гектара, лишь одно более или менее успешно работало над своим участком. Председатель колхоза, будучи дядей звеньевой Агафьи Хлопушкиной, как мог помогал ей. Он посылал колхозниц из других звеньев для прополки льна и рыхления междурядий, отпускал дефицитные минеральные удобрения, отпускал нужное количество птичьего помета, собранного другими колхозницами для подкормки льна, установил пожарную машину и двое колхозников ежедневно поливали участок Агафьи, благо что он был около пруда. Дабы предохранить буйный лен от полегания весь участок был утыкан кольями и понавязаны жерди. Председатель колхоза почти ежедневно проверял, как исполняются его распоряжения бригадиром. Таким образом, лишь был счет, что Агафья возвращает лен. Его выращивал весь колхоз.

Когда лен был вытереблен, то подсчет показал, что больше 6 центнеров /600 кило/ волокна с гектара не выйдет. Конечно на фоне среднерайонного урожая в 50 килограмм с гектара это был превосходный урожай. Но стараясь вывести свое звено в число выполнивших обязательство, председатель колхоза согласовал вопрос с райкомом и ночью вместе с Агафьей и ее двумя коллежанками перетащили из других участков еще столько же наилучшего льна.

В результате переработки оказалось, что с гектара вышло 12 центнеров /1200 кгр./ волокна, и в областные организации был отправлен рапорт звеньевой Агафьи подтвержденный райкомом партии и уполкомзагом...

Однажды Гаврилову позвонил Зав. сельхозотделом обкома партии и сказал, что предстоит вызов в Москву для наград орденами стахановцев сельского хозяйства. Ленинградская область получила от ЦК разверстку сколько каких стахановцев представить к награде. Обком разверстал это количество по районам и получилось, что П-ский район должен представить к награде одного трепальщика, работавшего на трепальной машине "антеневке" и давшего не менее 4 центнеров льноволокна в смену, одну свинарку, у которой приходилось бы не меньше 20 поросят на свиноматку, и одну доярку надоившую в среднем за год 25 литров молока в день от одной коровы. Гаврилов ответил, что таких показателей в районе не существует и поэтому П-ский район лишается такой чести, как представление стахановцев к награде. Зав. сельхозотделом назвал Гаврилова наивным ребенком, не понимающим политики партии и потребовал через 2 часа подобрать требуемые кандидатуры и сообщить лично ему же. Гаврилов посредством телефонной станции поставил на ноги всех председателей сельсоветов и начал их лично опрашивать, нет ли у них подходящих кандидатур, которые хоть немного возвышались бы над средними показателями. Такие кандидатуры были подобраны и в указанный срок он докладывал Заведывающему сельхозотделом обкома: "Из всех льнотрепалок работала лишь одна, говорил он. Правда работа ее длилась всего 4 дня, пока испортился конвейер. На ней работал Мигунов и его сменщик. Вдвоем они вырабатывали в сутки 2½ центнера. Мы можем все это зачислить на Мигунова, но где взять еще 1½ центнера?" Зав. сельхозотделом посоветовал прибавить всю отходящую кудель и паклю, а если не хватит, то просто добавить. На ходу было решено, что Мигунов "перерабатывал" в смену 4½ центнера и работал целых 3 недели. Гаврилов назвал свинарку Старуху Нефедову выращившую в среднем по 15 поросят. Зав. сельхозотделом было решено записать 23½ поросенка на свиноматку. Таким же порядком доярке Купчиной было записано 30 литров удоя, что составляло ровно 200% фактического. Когда Гаврилов предупредил Зав. с/х отделом, что Мигунов немножко ненормальный, то тот сказал, что это тем лучше. Он велел Гаврилову лично хорошенько проинструктировать перечисленных "стахановцев", немедленно выслать на них возможно лучшие характеристики и соответствующие акты подтверждающие их показатели, что и было исполнено.

Вскоро в Москву были вызваны Агафья Хлопушкина, Мигунов, Нефедова и Купчина. Из Москвы они возвращались с орденами,

патефонами, радиоприемниками, с чемоданами, наполненными продуктами и одеждой и тысячей рублей наличными каждый. Одновременно райком и райисполком получили распоряжение - немедленно предоставить им хорошие квартиры, меблировать их городской мебелью и установить телефоны.

Поскольку в газетах было опубликовано кто за что награжден, то колхозники сразу же установили подтасовку. Среди них нашлись такие "несознательные", которые написали заявление прокурору, что Мигунов работал всего 4 дня и давал в смену только 1¼ центнера. Прокурор вызвал сперва жалобщиков и допросил их, а затем вызвал Мигунова, вокруг которого в колхозе уже поднялся довольно большой шум. Перепуганный Мигунов зашел к Гаврилову и сказал, что его вызывает прокурор. Гаврилов позвал прокурора к себе и тот заявил, что он раскрыл подтасовку данных на основании которых Мигунов получил орден и теперь ведет следствие по этому делу. Отослав прокурора в другую комнату, Гаврилов связался по телефону с обкомом и получил оттуда установку - немедленно исключить прокурора из партии и арестовать, а материалы собранные им уничтожить. Гаврилов успокоил Мигунова, проинструктировал его как себя вести и отправил домой. Не откладывая, он собрал членов бюро райкома и прокурор был исключен из партии за "контрреволюционную борьбу против стахановского движения", а принесенная им папка была публично брошена в печку. Выйдя в коридор прокурор был арестован. Вслед за ним было арестовано еще 2 "врага народа", писавших ему заявление. Председатели сельсовета и колхоза получили указание - брать на заметку всех, кто будет распространять "клеветнические слухи" о Мигунове...

Председателями колхозов были в районе только мужчины. Область все нажимала на выдвижение женщин. Районные организации решили выдвинуть на должность председателя колхоза награжденную орденом доярку Купчину. Купчина очень скоро поняла вкус власти и решила воспользоваться ею. Она перевела канцелярию колхоза в свою избу, а сама переселилась в хороший дом, занимаемый канцелярией. Свою коровенку отдала в колхоз, а себе взяла 2 лучших коровы, кроме того такой же обмен коров произвела своей родне. А сестре, не имевшей коровы просто дала колхозную корову ~~насеку, которая была поставлена на зимовку~~. Однако Купчиной захотелось полакомиться медком и она брала себе меду сколько хотела, оставляя на зиму пчелок без пищи. Колхозникам чем либо не угодившим она начала бить физиономии. Узнав о проделках Купчиной ее

вызвали в район, но она не явилась. Тогда Гаврилов вместе с директором МТС поехал к ней, но она и говорить с ним не захотела, указывая на свой орден. Когда Гаврилов напомнил ей, как она получила орден, она сказала ему: "я вас не просила делать подлог. А раз я получила орден - значит заслужила." Гаврилов, конечно, был безсилен что-либо сделать. Пришлось ему обратиться за помощью к вновь присланному взамен Пузанова начальнику НКВД Глоткину. Тот быстро ее призвал к порядку и пообещал арестовать. Купчина вынуждена была произвести размен коров, перейти в свою избу и уйти с должности...

Не обошлось дело гладко и с Агафьей. Весной 1937 года с нею из-за чего то поссорился ее дядя - председатель колхоза и болтнул насчет того, как она "вырастила" 12 центнеров льна. Колхозники, знавшие об этом, но из страха молчавшие, также заговорили открыто. Дело закончилось тем, что дядя Агафьи, его жена и еще несколько колхозников и колхозниц в том числе одна из компаньенок Агафьи были арестованы и вследствие пыток все "подтвердили", что действительно 12 центнеров льна собрано и, что они хотели в контрреволюционных целях скомпроментировать стахановское движение и даже убить Агафью. Все они были осуждены к разным срокам, как враги народа. Агафья же пошла в гору...

Правда, липовые стахановцы - это мелочь в сравнении с показательными колхозами. В одном из соседних районов вблизи железной дороги расположен колхоз состоящий из 30 хозяйств. В этот колхоз иногда привозят иностранцев. Однако, раньше чем привезти их туда, колхоз чистят и моют. Дохлый скот угоняют вон и на место него ставят прекрасных лошадей и коров, доставляемых из племенных совхозов. Таких же коров раздают колхозникам. Избы обставляют никелированными кроватями и другой хорошей мебелью. Колхозников от глубоких старцев и до малых детей наряжают в хорошую одежду, Шкафы переполняют одеждой, а кладовые разной снедью. Все это выдается под расписку. При посещении гостей дресированные колхозники, находящиеся под неусыпным наблюдением энкаведистов, любезно предлагают угощения наивным иностранцам. А на вопросы последних отвечают, что о лучшей жизни они и мечтать не хотят. Один старик ответил немного иначе, но переводчик сделал перевод по своему. Старика же потом разстреляли, о чем объявили всем колхозникам. Естественно, что после этого они научились разыгрывать "счастливую жизнь" как заправские актеры. После отъезда иностранных гостей все начиная от скота и кончая продуктами и носовыми

платками увозится.

Однако такие колхозы рассчитаны лишь для внешнего мира, а стахановцы и орденоносцы, какими бы они липовыми не были, благодаря создаваемым для них привилегиям и материальным благам становятся весьма серьезной опорой власти...

Голодная зима и очередная большевистская весна.

Только урожаем со своих огородов и привозным хлебом население спасалось от голодной смерти. Те, кто не имел за что купить хлеб /за которым нужно было ехать в Ленинград/ испытывали подлинный голод.

В районе начался массовый падеж колхозного и колхозницкого скота от бескормицы. Обычно подыхающих животных дорезали и ели. Дабы спасти хоть часть скота, тысячи людей работали на ломке молодых веток в лесах. Они также отыскивали и жали сухую траву не покрытую снегом, отгребали сухие листья, добывали водоросли из озер.

На тревогу, которую били районщики перед областью, прося хотя бы соломы - отвечали, что государство не имеет таких ресурсов. Все соломенные ресурсы, имевшиеся в районе были перераспределены между колхозами, но это привело лишь к гибели скота и в тех колхозах, у которых забиралась солома.

Одновременно район бил тревогу насчет семян. Ответ был тот же - "изыщите местные ресурсы". Началось изыскание "местных ресурсов" - на колхозников была сделана разверстка - от них требовали засыпать зерно на семена. Была пущена в ход вся мощь парторганизации и НКВД, но результаты были совершенно ничтожны. Лишь накануне сева в район было заброшено часть семян. Районные руководители вместе с агрономами обсуждали каков минимум высева допустим на гектар, чтобы не получилось того, что будет квалифицироваться вредительством. Семян оказалось слишком мало. И снова начали мобилизовать местные ресурсы. НКВД "раскрывало" множество "заговоров", приведших к падежу скота, срывающих засыпку семян. Посредством террора удалось еще немного собрать семян, ради покупки которых колхозники ездили Бог весть куда.

С наступлением большевистской весны дело уперлось в тягловую силу. Уцелевшие лошади были не в силах тянуть плуги. На помощь им были мобилизованы коровы - явление неслыханное на севере. Соппротивление колхозников мобилизации их коров было быстро сломлено НКВД, террор

котораго занимал все больший удельный вес в руководстве хозяйственной жизнью района, ~~приходя на смену не действующему больше убежденно основанному на лжи.~~

С горем пополам, с большим опозданием, с сильно заниженными нормами высева был проведен сев.

Времена ЕЖОВЩИНЫ.

Колхозы не имели никаких продовольственных запасов для авансирования колхозников. Бежать в Ленинград больше нельзя было. Пути туда были закрыты, и падающие с ног голодные люди были вынуждены работать на подъеме паров, рыхлении, прополке, добыче торфа. Чудовищная волна арестов захватывала все более широкие круги колхозников. Переарестовав всех кто величал лошадей "лениным", "сталиным", "мишкой" (Калининым) ~~народ звал Калинина, изображая его заведующим кладовой с орденами,~~ "стахановцем", "комиссаром", НКВД арестовывало за наименьшую оплошность в работе, за отказ от работы и даже опоздание. Невыход на работу по случаю праздника влек за собой арест. В районе закрывались последние церкви с неминуемым арестом духовенства и верующих. От коммунистов требовали поднятия бдительности, т.е. доносов и предательства. Газеты и радио-передачи неустанно призывали к разоблачению "врагов" народа", разжигая вражду и ненависть между людьми, возбуждая взаимную подозрительность. В числе охотников на людей по прежнему особенно выделялись Хлыстова, Паскудин, Загребалов, комсомолец агроном Цаплин и много других. Они переодевались под крестьян и шныряли среди колхозников, провоцируя их на антисоветские разговоры. Там где их не узнавали им удалось немало людей спровоцировать, пополняя и без того переполненные тюрьмы НКВД. В одном колхозе крестьяне опознали Хлыстову, но не подавали вида. Когда она стала ругать Сталина и говорить мужикам: "как вы терпите такое издевательство?" колхозники схватили ее и, избивая, поволокли в сельсовет, говоря, что поймали шпионку. Отлежав после побоев Хлыстова не осмелилась больше провоцировать. Вследствие многочисленных арестов среди коммунистов, от страха, началось повальное пьянство и частые самоубийства. Лишь за летний период покончило с собой 6 коммунистов. В районных учреждениях господствовал постоянный переполох и трудно сказать чего больше боялись районщики, - собственного ареста или же опоздания с "раскрытием" очередного "заговора", в каковые "заговоры" по

крайней мере некоторые из них верили. Во всяком случае впечатление было таково, что люди находятся в осаде или ежеминутно ждут взрыва. Редкие посетители, простаивая по 2-3 дня, не могли попасть к председателю райисполкома. Когда началась уборка и заготовки, людей арестовывали, обвиняя их в смешении сортов зерна, во влажности, или засоренности его. Арестовывали за то, что обоз с зерном или льном попадал под дождь, за то, что снопы попадали под дождь. Одним словом каждый шаг колхозника в поле, у молотилки, в амбаре мог квалифицироваться как вредительство и повлечь за собой арест. Ни одного колхоза не было где не "раскрылось" бы "вредительство" и не производились бы аресты. Как и во всех окружающих районах, в П-ском района были устроены показательные процессы над "врагами народа". Состоялся показательный процесс над группой "вредителей" в 9 человек из колхоза "мировой октябрь", состоявшего из 15 хозяйств. В числе обвинений было предъявлено уничтожение 600 голов скота. Колхоз же насчитывал всего 12 лошадей и имел ферму из пяти коров. Правда, имел еще птицеферму. Оказывается, в качестве "голов скота" были зачислены подохшие и даже не успевшие вылупиться цыплята, Однако, все 9 "вредителей" были приговорены к расстрелу. Несмотря на хорошие климатические условия, льна еле хватило для выполнения планов. Очень важно заметить, что до коллективизации урожай льна были несравненно более высокие. Тогда не редкостью был урожай у того или иного единоличника 4-5 центнеров с гектара, 2-же центнера - это был нормальный урожай, тогда как в 1937 году он еле перетянул за один центнер, включая и кудель.

Хотя на трудодни кое-что и осталось, но количество зерна, выданного в передовых колхозах все же не превышало 500 гр. на трудодень, не говоря о его плохом качестве. Было же не мало колхозов, которые снова ничего не могли выдать на трудодни.

Для показа "заботы" о народе некоторые виды старой задолженности колхозов были ликвидированы. Это объяснялось тем, что ее все равно нельзя взыскать, иначе пришлось бы снова лишить колхозников даже 100 грамм отходов, а у некоторых колхозов забрать семенной фонд.

Колхозник оказывался еще в более тяжелом положении, ибо в этом году он не смог производить посевов в огородах, как это делалось в прошедшем году. Зато председателям колхозов и бригадирам, кроме начисления трудодней, устанавливался значительный денежный оклад.

Что касается хлебозакупок, то уже не понадобилось голосовать "кто против?" Можно было смело голосовать "за" и все, как один, подымали руки, точно также как за резолюцию требующую разстрела того или иного "врага народа". Советская "демократия" в этом отношении сделала большой шаг вперед. "Сознательность" колхозников, определяемая их бытием, грозящим каждый день и час арестом, значительно выросла.

Не даром выборы в Верховный Совет 12 декабря 1937 года прошли блестяще и явка была чуть ли не 100%-ой. Правда, райком уже заранее имел контрольную цифру - сколько процентов должно будет явиться на выборы /не ниже стольких-то/. Те кто не явился по каким либо причинам, были допрошены НКВД и часть из них арестована. Выборам же предшествовал арест нескольких человек по каждому сельсовету. Это весьма способствовало, как высокому проценту явки, так и единодушному голосованию за единственного кандидата.

1938 год проходил все под тем же зловещим знаком ежовщины. Несчастные колхозники, потерявшие сперва хозяйственную самостоятельность, перестали вовсе распоряжаться собой. Их не спрашивали больше, что им нравится, а что нет. Согласны они или нет. Им диктовали и в каждом случае нагло заставляли голосовать, изображая дело так, якобы имеет место волеизлияние. Так "утверждались" планы сева, так "принимались" решения по подписке на займы, о самообложении, о еще большем сокращении усадеб, о трудовой дисциплине и кара за ее нарушение, в частности о ликвидации всех праздников и воскресений.

Разгром руководящих кадров района.

Гаврилов повидимому всерьез верил, что в районе свили себе гнездо тысячи замаскированных контрреволюционеров и он безжалостно расправлялся с руководящими кадрами. Не осталось на своем посту ни одного председателя сельсовета. Районный руководящий состав, в том числе Хлыстова, все основные работники райкома и Рика были также переарестованы. Были арестованы все руководящие работники МТС, банка, кооперации, почты. Аресту подверглось 30% агрономов и 50% учителей. Наконец был арестован и Гаврилов. Когда на бюро райкома, созданного им после ареста всех старых членов /исключая начальника НКВД и Паскудина/ стоял вопрос об исключении его из партии, как человека, "покровительствовавшего" врагам народа и вообще подозрительного, выступил Паскудин и сказал: "с первого дня приезда Гаврилова в район я

подозревал, что это личность темная. И лишь из-за страха перед его жестокостью я не решился раньше разоблачить его". На место Гаврилова был прислан новый "кристальный большевик" из Ленинграда. Место Хлыстовой занял Загребалов. Однако Ленинградский большевик удержался всего месяц. Его внезапно арестовали и секретарем райкома был назначен Паскудин.

Гаврилову и всем прочим районщикам, наряду с их принадлежностью к тайной контрреволюционной организации, были предъявлены обвинения за сев в грязь, за падеж скота, за невыполнение плана заготовок и даже за очковтирательство и за сверхплановые посевы, хотя и то и другое делалось согласно верховных директив. Выражая свою ненависть к врагам народа, Паскудин распорядился ликвидировать даже цветочные клумбы, разбитые перед зданием райкома по распоряжению Гаврилова. Все партбилеты подписанные Гавриловым были признаны недействительными и затребованы новые бланки для замены их.

Жить стало лучше - жить стало веселей.

Неопытность и безтолковость Паскудина, при положении когда все прочие районные руководители, председатели сельсоветов и большинство пред. колхозов также неопытны и в большинстве малограмотны, привела к полной дезорганизации уборочной кампании, создавая небывалые еще потери. Немалое значение повидимому имело и то, что новые руководители, став у власти, набросились как голодные на хлеб - на поживу, стараясь как бы получше устроить свои личные дела, что в немалой мере их отвлекало от руководства новым и непонятным для них делом.

После заготовок, колхозникам почти ничего не досталось на трудодни.

Будучи лишены всяких средств к жизни - голодные и оборвавшиеся, они поражались в небывалых размерах болезнями. Необыкновенно выросла детская смертность.

Люди чувствовали себя обреченными. Спасения ждать было не откуда. Каждый чувствовал близость какого-то конца, как будто наступал конец света.

С откатом волны террора люди почти не стали идти на дармовую работу. Для обеспечения весеннего сева и последующих работ весной 1939 года правительством был издан ряд законов, которыми устанавливался

обязательный минимум трудодней, которые обязан отработать колхозник. Тогда же был издан закон об обязательном труде детей, начиная с 12-ти летнего возраста. Лишь этими мерами обязательного труда удалось спасти хозяйство колхозов от окончательного развала. Ничтожное личное хозяйство колхозника чем дальше облагалось все большим количеством налогов. Независимо от наличия скота, каждый колхозный двор обязан был сдавать два-два с половиной пуда мяса. Независимо от наличия птицы, он должен был сдавать яйца. Этот яичный налог со временем вырос местами до 200 штук на хозяйство. Имевший корову, обязан был сдавать молоко. Имевший овцу или козу должен был отдать всю шерсть. Если же не хватало, он вынужден был покупать для сдачи. Конечно никакой колхозник не съедал столько мяса и яиц, как сдавал государству. Большинство же колхозников пробовали то и другое лишь на Пасху. Все шло в казну. Иногда устраивалась продажа государством по спекулятивным ценам яиц и живого скота колхозникам для сдачи государству (за копейки). В таких случаях скот не уводился и яйца не уносились, а попросту колхозник платил за это огромные деньги и получал квитанцию, что выполнил план.

Осенью 1939 г. началась война. Тогда с колхозниками заговорили языком военным. Нечего было и думать - увильнуть от работы, или отнестись к ней с холодком.

Одновременно начались дополнительные заготовки и денежные займы на войну. Людей также призывали жертвовать на цели "обороны" облигации старых займов, что они без сопротивления и делали, отдавая квитанции, полученные от банка за облигации давным давно заложенные.

"Письма с фронта," составленные рукой Паскудина и нового редактора и помещавшиеся в районной газете, призывали "братьев колхозников" трудиться не покладая рук и жертвовать все что может для фронта, особенно же теплые вещи /от которых у колхозников остались лишь лохмотья/. "Все для фронта, все для победы! Да здравствует великий Сталин!", так обычно заканчивались письма. Среди политзаключенных того времени немалый процент составили "враги отечества", которые не особенно охотно подписывались на займы и производили пожертвования.

Колхозники пытались тешить себя надеждами на облегчение жизни после войны. Некоторые даже объясняли террор 1937-38 г.г. и выкачку всего хлеба нуждами, подготовляемой войны и предполагали, что с окончанием войны будет сделана какая либо отдушина.

Получилось же иначе. Разгромив "внешнего врага", рабоче-крестьянская власть решила, что можно безбоязненно сделать еще один шаг к построению коммунистического рая, что настало время еще крепче подвинтить гайку "счастливого" и "зажиточному" народу. Законом от 26 июня 1940 года колхозники, /как равно рабочие и служащие/ были закреплены за своими колхозами навечно. Жить стало лучше - жить стало веселей!

На Юге /1940-1941 г.г./

Приехав в Харьков, я направился к своему знакомому, являвшемуся руководителем одного областного учреждения. Несмотря на то, что было 5 час. утра, никого не оказалось дома. От соседей я узнал, что вся семья с 2-х часов ночи стоит в очереди за хлебом. Лишь к 7-ми часам утра появился мой знакомый и работающие члены его семьи. Им повезло - они втроем достали около килограмма хлеба. Позавтракав одним хлебом с пустым ячменным кофэ, все заблаговременно поспешили на работу, боясь опоздать.

В 10 часов вернулась и хозяйка, кроме куска хлеба она раздобыла две небольших сухих рыбки, что являлось уже лакомством.

Учреждение, которым заведывал мой знакомый, хотя и имело громадное государственное значение, но не было ни партийным, ни правительственным, поэтому его сотрудникам приходилось покупать питание в открытой сети магазинов, в которых были пустые полки. Как известно, тогда карточной системы не было. Но для партийных и правительственных работников существовала особая система снабжения и они имели все блага в неограниченном количестве.

Тогда же я побывал в Одессе, в Ростове на Дону, в Днепропетровске, в Смоленске и Ярославле. Всюду было точно такое же положение с продовольствием. Исключение составлял Северный Кавказ. Южнее мне не приходилось бывать и каково было положение там лично не видел.

Тогда же мне пришлось побывать в Москве, Киеве и Ленинграде. Постояв полчаса в очереди, там можно было купить пол кило сахару, немного масла, даже селедки, давно ставшие величайшей редкостью в стране. Кое где можно было достать постное масло и что-то на подобие какао.

В эти города люди ехали за многие сотни километров ради покупки продуктов, ниток, посуды и проч. дефицитного товара.

Можно безошибочно сказать, что всюду где я побывал, 90% населения выбивалось из сил, чтобы раздобыть насущный хлеб и прикрыть хоть какнибудь свое тело. В тех же городах /исключая столиц/ магазины, предназначенные для продажи мануфактуры пустовали. Если же появлялось немного мануфактуры, или чулок, или ниток, то становились многотысячные очереди, но товар доставался лишь незначительной доле, желавшей купить его. Ситец, покупаемый в магазине по 4 рубля, продавался на рынке по 30 руб. метр. С обувью дело обстояло еще хуже. Если за мануфактурой были большие очереди и в таких городах как Киев, то за обувью там же стояли очереди растянутые на два квартала. Причем, дабы не потерять очередь, люди стояли обхватив переднего обеими руками. Целый наряд милиции регулировал такую очередь. Получив заранее взятку, милиционер разыгрывал спор с давшим взятку лицом и под видом ареста уводил его из очереди и пропускал в магазин.

Мне очень хотелось посетить села Яблоновку и Степановку, что я и сделал. Еще не доезжая трех километров до Степановки меня поразило какая то пустота, видневшаяся на месте бывших роскошных осокоров, пирамидальных тополей, верб и могучих лип. Все это оказалось вырубленным и даже речка стала пересыхать. При въезде в село мое сердце сжималось. Некогда сверкавшие белизной мазанки были ободраны, соломенные крыши были худые, кое как прикрытые. Добрая половина хат пустовала и разрушалась. Крыш, дверей и окон давным давно не было. Во всем селе не видно было забора. Все клуни были разобраны для колхозных нужд. Почти нигде не осталось сараев, да они и не нужны были больше. Редко кто успел обзавестись коровой. Счастливец считался тот, кто имел телочку, из которой в будущем вырастет корова. Люди были какие то странно тихие, настороженные. Даже говорили тихо, как будто рядом был кто-то больной, или же начальство. Они странно поводили глазами, как бы опасаясь поворачивать голову. На мои расспросы мне рассказали, что 70% населения Степановки умерло от голода. Что же касается хуторов, то там вымерли почти все поголовно. Из всего актива, когда то выкачившаго из Степановцев хлеб выжили лишь двое. Горобец, который не сумел угодить власти и не удержался долго на посту председателя колхоза, также умер вместе со своим многочисленным семейством.

Зайдя к одному из уцелевших активистов, проживающему во вновь выстроенном хорошеньком домике, я был удивлен, увидев железные кровати, гардеробы, венские стулья и даже огромное зеркало. Физиономии

хозяина и хозяйки лоснились от хорошего питания. Хозяин и хозяйка показывали вид, что они необыкновенно рады мне и сразу же принялись угощать такими продуктами как сало, яйца, мед, сметана. Василий Андреевич и Елизавета Петровна, как величали хозяева друг друга, /что вовсе необычно для деревни/ обладали ими в совершенном изобилии. К закускам появилась водка "по особому заказу" и сливянка. Хозяева на перебой хвастали своим достатком и благоденствием. "Как мы счастливы, вы только подумайте", говорила Елизавета Петровна, "разве мы могли когда то мечтать о таком доме, о таких костюмах, или о том, чтобы наши дети учились в техникумах. Спасибо дорогому тов. Сталину. Если бы не он мы были бы нищие." Я не мог понять подлинной причины такого достатка на фоне невероятной нищеты. И я осторожно спросил об этом. Василий Андреевич уже подвыпивший порядком и считающий меня "своим человеком", хитро подмигивая, тихонько сказал: "НКВД не имеет во всем районе такого секретного сотрудника, как я. Я хозяин села, что хочу то и делаю, кого захочу - того посадят и шлепнут. Председатель сельсовета, председатель колхоза и секретарь партячейки все у меня вот где /он сунул руку за кушак/. Захочу, сразу снимут любого из них и посадят. Я все! понимаете? Я все! Я здесь полный хозяин!" Пьяный Василий Андреевич так разошелся, что даже бил себя кулаком в грудь, а жена вынуждена была успокаивать его, нежно обнимая и прижимаясь к нему. "Если бы вы знали, как все боятся моего Васи. А председатели сельсовета и колхоза шагу не сделают, чтобы не спросить у него совета," Хвастала Елизавета Петровна.

Таким образом, живя за счет колхоза, перекачивая любое количество продуктов из его амбара в свои кладовые, Василий Андреевич имел серьезное основание для благодарения "великого Сталина". Разговором с другими людьми диктаторская роль Василия Андреевича вполне подтвердилась. Все село знало о его подлой службе.

Я постарался выяснить какие категории людей выжили. Оказалось следующее: выжили руководители колхозов, работники канцелярии, кладовщики, сторожа амбаров, а также большинство колхозников, работавших на фермах. Все эти люди так или иначе имели доступ к колхозным продуктам или к фуражу. Конечно было немало и других колхозников сроду не воровавших, но начавших воровать в колхозе и друг у друга и этим спасшихся от смерти. Нашлись специалисты - охотники на крыс, лягушек, ворон, воробьев. Эти также в значительной части выжили. Люди не неспособные на воровство, и на всякие прочие ухищрения в роде

вышеупомянутой "охоты", а также многосемейные почти сплошь вымерли.

Судьба Голованя, некогда громившаго Степановцев и искренне верившаго, что делает доброе дело, была такова: в 1933-34 году он работал в качестве начальника политотдела МТС. Затем работал на разных должностях в обкоме партии. В 1937 году был назначен на должность секретаря обкома и после того, как его руками было уничтожено бесчисленное количество тех, кто был Сталиным запланирован к уничтожению, Головань был арестован как "враг народа" и расстрелян. Неизвестно понял ли он хоть перед смертью свое роковое заблуждение.

В Яблоновке я увидел все точно тоже, что и в Степановне и во всех прочих селах Украины, ~~Кубани и Ставрополя~~, где мне приходилось бывать. Я пришел в Яблоновку когда по случаю какого-то - советского или колхозного праздника около клуба играл духовой оркестр и сотни полторы девчат танцевало. Говорю девчат, ибо парней там почти не было. Горько мне было видеть этих несчастных девушек /среди которых так много было истинных красавиц/, обреченных оставаться незамужними. Пригласив меня к себе, когдашний активист /один из первых обработанных Соломиным/ нынешний председатель колхоза говорил мне дорогой: "видели девчат, как мак цветет не правда-ли? Когда то я рад был какой-нибудь калеке, а теперь несмотря на то, что я уже в годах, во какие красавицы на шею вешаются. Вот лафа!" "Неужели они так развратны эти милые девушки? Ведь этого никогда не было," спросил я. "Конечно не все отвечал председатель, но таких есть достаточно. Которые постарше, те научились отдаваться за кусочек хлеба во время голода, а от них взяли пример и некоторые молодые. А кроме того, куда им деваться! Хлопцев ведь нет! Которые не перемерли, те в последующие годы ушли в Донбасс и в большие города. А теперь после закона от 26/У1 в село никто не может вернуться, а девчата из села не могут уйти. Так и остались обреченные на вечное девство, ибо на одного парня приходится около десятка девчат. ~~Так зачем же им соблюдать себя.~~ Раньше было страшным позором родить ребенка девушкой, а теперь некоторые желают забеременеть и счастливы ~~р~~ежая, ибо хоть в детях находят утешение. Да и государству польза, ибо кадры нужны".

Прекрасная Яблоновская церковь была разрушена и на ее месте выстроен амбар. Степановская церковь еще в 1930 году использованная под избу-читальню также была снесена. Вообще же на Украине я не видел ни одной сохранившейся церкви. Проехав по железной дороге от Киева до

Крыма я видел всего два уцелевших здания церквей, переделанных под клубы, остальные были разрушены.

В Яблоновке и Степановне кладбища представляли из себя пустыри. Все каменные и металлические памятники пошли для нужд государства. Деревянные кресты сожжены. Густые вишневые сады и акации некогда покрывавшие старые могилы, дотла вырублены. Канавы, которыми были когда-то обнесены кладбища, засыпались, а заборы снесены. По кладбищам бродят коровы и козы. Все старые могилы сравнялись с землей. Когда я попросил показать мне могилы кое кого из моих старых знакомых когда то борющихся за "социализм", то этого никто не смог сделать, даже выжившие члены их семейств. В таком состоянии кладбища повсюду и никто не собирался их упорядочивать. Это объяснялось тем, что упорядочивать кладбища можно лишь сообща, но столь чудовищной душевной разобщенности людей, как нынче не бывало еще нигде и никогда. Кроме того, не исключено, что люди взявшиеся за это дело были бы обвинены в церковщине, мракобесии и как неблагонадежные, изолированы. Но помимо этого, старое кладбище потеряло свое значение, ибо добрая половина, если не больше, погибших от голода, нашла упокоение в усадьбах, в придорожных канавах, в старых колодцах и ямах, таким образом все село превратилось в кладбище. И наконец, ~~бесспорным является приближение человека к скотскому состоянию, обусловленное безпросветной нуждой и животным страхом.~~ Условия живых таковы, что им не до мертвых и они часто завидуют последним. Люди вовсе не думают о завтрашнем дне, ибо никто из них не знает, что с ним будет завтра. Поэтому они в большинстве живут сегодняшним днем. Все чем жила ранее человеческая душа оплевано, ошельмовано, и объявлено преступным.

Единственная "духовная пища", которой пытаются непрерывно пичкать народ - это сидящая в печенках большевистская пропаганда, убеждающая голодных в их сытости и закованных в кандалы в их безпримерной свободе и счастье. Этой тошнотворной ненавистной "духовной пище" Яблоновские колхозники предпочитают водку. С риском попасть в Сибирь они понемножку уносят с поля сахарную свеклу и варят самогон. По окончании полевых работ село начинает пить. Все село разбилось на множество групп, создающихся в порядке взаимного подбора. Я познакомился с такой группой, состоящей из трех десятков семейств. Чем связана такая группа? Кумовством. Крестин нет, ибо давно нет церквей и нет священников. Коммунистические октябрины с отвращением

отброшены. Зато придуман новый обычай - это звезды. Звездят обычно маленьких детей, но если их нет, а нужно породниться с желанными людьми посредством кумовства, тогда звездят и 10-12 летних. Главное в этом обряде следующее: На столе расстилают одеяло, на которое кладут ребенка. Находящиеся вокруг стола кумовья, а таковых бывает и по 6 и по 8 пар, взявшись за края одеяла слегка качают снизу вверх находящегося в нем ребенка, сопровождая это покачивание соответствующими песнями и провозглашениями. Таким образом ребенок обрел несколько пар крестных, а его родные обрели дополнительную родню. Так перероднилась между собою вся вышеуказанная группа, И вот начиная с конца октября начиналось гулянье по 2-3 дня сряду у каждого из кумовей. Проедалось все что было заработано, или выращено в своем хозяйстве. Таким образом этот сезон попок был единственным просветом на фоне долгих мрачных месяцев неустанной дармовой работы и несказанной нужды. Характерно, что выпивая люди приговаривали нечто вроде: "пей, веселись, только и твоего", ибо не знаешь, что будет завтра. А доживешь до завтра тогда и будешь заботиться о завтрашнем дне". На многочисленных примерах я убедился, что простые люди, не превратившиеся в открытых или тайных агентов власти, несмотря на ужасные экономические и психологические катастрофы, которые им пришлось перенести, почти не изменились и попрежнему оставались дружественными, благонамеренными, сердечными и гостеприимными. Конечно у них произошла переоценка некоторых ценностей, имеющая, однако, силу лишь в советской обстановке. Так богатство в старом или заграничном смысле потеряло всякое значение. Допустимое в советских условиях богатство - это домик, одежда, домашняя обстановка, радио, патефон, велосипед. Однако, все это твое условно. Придет война, у тебя заберут велосипед и радио, а теплые вещи заставят "пожертвовать". Без войны - ты не гарантирован, что тебя не обложат каким-то налогом и не конфискуют всего вплоть до рубашки. Или что не арестуют тебя без всякой вины и тоже все конфискуют. Образование может интересовать лишь молодежь, но в виду большой платы за учение путь для сельской молодежи ~~еверненно~~ закрыт. Возникает еще один вопрос, связанный с предыдущим: кто является авторитетом для колхозников? Человек так или иначе обеспеченный вовсе не является авторитетом, ввиду вышеуказанных соображений. Если когда-то крестьянин видел в начальстве высших, благородных и достойных людей, то теперь он видит в них исключительно своих врагов, Кроме того, начальство неавторитетно еще и

потому, что колхозник, достаточно уже убедился, что неизбежный путь начальства - это в конце концов тюрьма и в лучшем случае изгнание с треском и позором на очередном зигзаге сталинского пути. Учителя и разные ученые - это в глазах колхозника люди, которые живут ложью и помогают власти опутывать народ. Единственным авторитетом для колхозника, является разве мастеровой, который владея ремеслом, легче может переносить любые невзгоды и, что особенно важно, попадая в концлагеря, такие может оказаться в более выгодных условиях, работая по специальности.

Казалось, что все что только можно было придумать для выжимания последних соков из народа власть уже придумала. Однако, это не так. Ко всем грабительским мероприятиям было введено натуральное обложение индивидуальных колхозницких огородов в таких размерах, что иной колхозник, отдав весь урожай, оставался в долгу. В результате многие вовсе отказывались от огородов, чего собственно и хотела добиться власть. Но и это не предел. Выходя из рамок описываемого периода не безинтересно сообщить о введении в 1941 году специального налога на бездетных женщин, начиная с 20-тилетнего возраста независимо от того, состоят они в браке, или нет. Правда, этот налог распространялся на все категории населения. Трудно представить, какие налоги еще придумает "мудрый" и "заботливый" отец.

Заключение.

Итак, лишив десятки миллионов крестьян всех орудий и средств производства, всех источников существования всемогущая коммунистическая власть сделалась полным хозяином их жизни и смерти. Теперь ей не стоит никакого труда забрать все что родит земля, ~~и что выращивает сама ферма~~, обрекая на голодную смерть сколько угодно миллионов людей. Такой эксперимент с массовым голодом, лишившим многие миллионы крестьян жизни и был организован в 1933 году. Он лишь подтвердил могущество власти и беспомощность задушенного ею, связанного по рукам и по ногам народа.

Лишь люди, которые по наслышке знают об условиях жизни колхозников могут их сравнивать с крепостными крестьянами или даже с рабами. Ни то ни другое сравнение не подходит. Как по условиям жизни, так и по своему абсолютному безправью колхозник скорее может быть сравнен с рабочим скотом. Однако, нормальный хозяин даже скот содержит

в лучших условиях, несравненно лучше кормит его и дает нормальный отдых. Советский же "хозяин" уподобляется безумцу, который выматывает последние силы из бедной клячи непосильным трудом и вместе с тем держит ее в состоянии хронического голода и непрерывного страха. К этим двум условиям и сводится существование "счастливого", "радостного" и "зажиточного" колхозника, который в отличие от скота обязан возносить благодарность "отцу народов" за "освобождение" от пут единоличного хозяйства, вместе с чем он оказался освобожденным и от свободы, и от хлеба.

Условия нищеты и безправия колхозников особенно разительны на фоне все возрастающей роскоши, в которой купается большевистский паразитический класс. Только путем создания таких условий роскоши и удастся иметь достаточное количество людей, играющих роль собак, держащих в абсолютном повиновении народ. Их хорошо кормят и они за это верно служат, пока по тем или иным причинам отправляются "хозяином" на живодерню. Для такой роли наивные идеалисты верящие в коммунистические бредни не подходят. Их после отыграния ими в свое время ценной роли переморили в тюрьмах и на каторге. Спрашивается почему народ терпит? Такой вопрос не серьезен. Если не могли оказать сопротивления, когда для этого было много больше шансов, то можно ли сейчас ожидать от народа сговора, когда "каждый третий возможный шпик НКВД", как гласит народная поговорка, т.е. когда три человека не всегда могут сговориться без риска быть преданным". Но на ряду с необыкновенно распространенной сетью шпионажа, мешающей всякому сговору, исключительное значение имеет потеря всякой надежды на то, что внутренними силами удастся свергнуть такую чудовищную машину. Долгие годы народ взирал на Запад, но в конце концов убедился что почти каждый там на западе занят исключительно своими личными интересами, что ему нет дела до страданий и гибели многомиллионного народа, что для него рассказы о десятках миллионов каторжников, о чудовищных пытках, о безпримерном ограблении народа и вымирании голодом десятка областей - лишь приключенческие романы. Что многие там на западе извлекают барыши, покупая по дешевке все добытое ценою слез, голода, крови и гибели миллионов людей и сердце их не дрогнет и совесть их спокойна.

Что же после этого остается делать? Человек превращенный в рабочий скот борется лишь за свое личное существование, как умеет. А быть может, борясь за существование и исполняя роль того же скота, он

понесет на своих плечах "рабоче-крестьянскую власть" и к тем, кто так восторгается ею не познав ее собственным опытом и к тем, кто все считает, что до них не дойдет или, к тем наивным детям, которые верят, что волк может превратиться в ягненка или же твердят, что не так страшен черт, как его малюют.

1947

< * >